Н. РОЖКОВ

241

ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ ГОД

·КНИГА·1926·

25.

Н. РОЖКОВ

1905 ГОД

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — 1926 — МОСКВА

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Главн. Управл.
Р.-К. К. А.
(Пл. Урицк., 10).
Ленинградский
Гублит № 13818.
Тираж 3.200.
Заказ № 637.

Обложка А. А. УШИНА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	5
I. 9-е января	7
II. Мобилизация революционных и оппозиционных сил	41
III. Высший подъем революции	67
IV. Дни свободы и декабрьское восстание . . .	84
V. Общие выводы	116

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот очерк посвящен не всей революции 1905—7 годов, а только ее первой части—1905 году. 1905 год—настолько яркая и при том особая, оригинальная часть российской демократической революции, что представить себе ее отдельно от других частей, уяснить общий ход событий и движущие их социальные силы—задача большой важности и огромного интереса — научного и практического, жизненного.

Так как речь здесь идет не о всей революции в целом, а только об одном ее наиболее бурном годе, то нет места изображению происхождения революции, ее подготовки. Точно также общая оценка революции 1905—1907 годов была бы уместна только тогда, когда вся эта революция была бы изложена в законченном виде. Первое сделано автором в XI томе его „Русской истории в сравнительно-историческом освещении", второе будет сделано в XII томе того же труда; том этот увидит свет — надо надеяться—еще до конца текущего года.

1905 год был первым годом широкого массового революционного действия в России; естественно, это массовое революционное действие и приковывает к себе наше внимание и заставляет выделить особо великие события пятого года. Без них не было бы того, что совершилось потом,—вплоть до нашего времени.

I.

9-е ЯНВАРЯ.

Развитие рабочего и крестьянского движения, студенческие волнения, образование и рост революционных и оппозиционных партий, террористические акты, неудачная война с Японией, земское движение, банкеты с оппозиционными и революционными речами — вот те разнообразные проявления все более повышавшегося народного возбуждения, которые давали себя знать в течение 1904 года.

Конечно, эти проявления были не равноценны и не равнозначительны. Первенство здесь принадлежало, несомненно, рабочему и крестьянскому движению,—движению широких трудящихся масс. И из этого движения— и прежде всего, из движения рабочего — вышло начало революции, — знаменательный день 9 января 1905 года.

Событие 9 января—стихийное массовое движение петербургских рабочих, не изживших еще царистских иллюзий, ближайшим образом было связано с тем остатком полицейского социализма, который сохранился до того времени в Петербурге,—с так-называемой, гапоновщиной. Поэтому, надо остановиться на истории гапоновщины.

„Петербургское собрание фабрично-заводских рабочих", основанное и руководившееся впоследствии священником Гапоном, имело своим зерном небольшую организацию, учрежденную Зубатовым в ноябре 1902 года в Петербурге, при чем ближайшим исполнителем плана Зубатова явился московский рабочий Илья Сергеевич

Соколов, специально привезенный для этого Зубатовым в Петербург. В ноябре 1902 г. на петербургских фабриках и заводах распространены были гектографические листки приблизительно следующего содержания: „петербургский градоначальник разрешает рабочим собраться в трактире „Выборг", Финляндский проспект, у Самсоньевского моста". Петербургские рабочие имели сведения от своих московских товарищей о том, что в Москве имеется легальная рабочая организация и некоторые из них решили поэтому пойти в трактир „Выборг". Там они встретили Соколова, приехавшего из Москвы и окруженного его знакомыми, петербургскими рабочими—Пикуновым, Устюжаниным, Лопыревым, Старожиловым и другими. Соколов заявил всем собравшимся: „московские рабочие послали меня к вам, чтобы у вас поставить дело организации петербургских рабочих так, как оно стоит в Москве, чтобы вы все об'единились для взаимной помощи и чтобы могли достичь улучшения своего положения не насильственным и беззаконным путем, который, кроме несчастия, ничего не приносит". После обмена мнений, присутствующие высказали сочувствие плану Соколова.

После того собрания рабочих повторялись каждое воскресенье в помещениях общества трезвости на Выборгской стороне и на Васильевском острове, при чем руководил ими, обыкновенно, Пикунов или Старожилов, и всегда присутствовал Соколов. На нужды собраний все их посетители вносили по 20 коп. в месяц. На собраниях был выработан устав, подобный уставу собрания московских рабочих, и представлен на утверждение петербургского градоначальника Клейгельса [1]).

Какого рода были эти собрания, что на них происходило? Мы имеем по этим вопросам ясные свидетельства их участников, дополняющие тот рассказ, который приведен сейчас.

[1]) Показания рабочего Кладовникова: „Красная Летопись" за 1922 г., № 1, стр. 322—323.

На втором, напр., собрании председатель его Пикунов изложил историю возникновения организации, а Соколов, человек с умным, серьезным, красивым лицом, говоривший с глубоким убеждением, показывавшим, что он знает, чего хочет, доказывал, что рабочие материально не обеспечены, и что мощные рабочие организации с целями взаимопомощи и защиты рабочих интересов могут дать спасение. Открывались новые перспективы легальной борьбы за улучшение материальных условий труда—перспективы мирного трэд-юнионизма, лишенные и боевых экономических тенденций, настоящему трэд-юнионизму свойственных. На третьем собрании выступал приехавший из Москвы рабочий Красивский, настоящий, хороший оратор. Он рисовал прелести профессиональной рабочей организации на западе Европы, высмеивал революционные партии, доказывал необходимость профессиональной организации в России и настаивал на том, что самодержавие стоит на стороне труда, а не капитала [1]).

Уже самая постановка дела указывала на его зубатовское происхождение. Но есть тому и другие доказательства: участники собраний слышали, что Соколов приехал в Петербург с Зубатовым, а потом Соколов представил лично Зубатову нескольких петербургских рабочих, в том числе Устюжанина, Пикунова, Лопырева, Кладовникова, и Зубатов рассказал им, как устроена и какую пользу приносит рабочим московская организация, и прибавил: „вот и вы так ведите свое дело, устав вам утвердит правительство, никто вас не арестует, только смотрите — будьте всегда против всякого влияния революционных партий, не следуйте их программам; если кто-нибудь из их состава попадет к вам и будет стараться мутить ваше дело, говорите мне; если все пойдет так, как я вам советую, то правительство еще больше расширит ваши права" [2]). Когда один из деятельных и

[1]) Варнашев, От начала до конца с гапоновской организацией: „Историко-Револ. Сборник", I, 1924 г., стр. 181—184.

[2]) Показания Кладовникова: „Красная Летопись" за 1922 г., № 1, стр. 323.

самостоятельных участников собраний — Варнашев — именно этой самостоятельностью выделился из общей массы, то он был сведен с Зубатовым, который беседовал с ним три часа на тему, обосновывавшуюся на третьем собрании Красивским, и снабдил Варнашева нелегальной литературой, — „Эрфуртской программой", „Искрой" и пр. [1]). Более воспитанные политически рабочие сразу поняли характер и направление организации и заподозрели, не является ли она ловушкой в руках правительства для арестов революционных рабочих [2]). И для революционных партий зубатовский характер организации не подлежал сомнению с самого начала.

Довольно рано, с третьего собрания, в организации стало появляться новое лицо—священник Георгий Аполлонович Гапон [3]).

Выдающаяся роль, принадлежащая ему в событии 9 января, обязывает ближе познакомиться с его личностью.

Гапон был сын крестьянина Полтавской губернии. В своих записках, которые, вообще, требуют строго критического к себе отношения, Гапон идеализирует своих родителей. Но, совлекая с даваемой им картины покров идеализации, можно, кажется, представить себе довольно ясно некоторые особенности среды, его вскормившей. Всего ярче эти особенности выразились тогда, когда родителям Гапона пришлось подумать об устройстве его будущей судьбы. Решили, что он будет священником по двум мотивам: во-первых, потому, что „поп—золотой сноп", во-вторых, по той причине, что, будучи священником, он сам попадет на небо и поможет попасть туда и своим родителям [4]). Здесь видны две черты: мужицкая практичность и набожность, забота о спасении души выражавшаяся в грубой, элементарной форме. Недаром отец Гапона целых 35 лет сумел продержаться в волостных писарях [1]), а мать его сумела внушить ему и сознание необходимости выполнять обряды и набожность; семилетний мальчик „часами простаивал перед иконами, обливаясь слезами, молился о своих воображаемых грехах и мечтал о жизни святого, анахорета" [2]). Практичность Гапона сказывалась и потом: он производил впечатление хитрого, себе на уме человека [3]) и умел хорошо вести дело с полицией и администрацией и в то же время ладить с рабочими, подчинять их своему влиянию. До конца веровал он, например, и в бессмертие души, и в разные предзнаменования, в общение умерших с живыми [4]).

Гапон старается показать в своих записках, что он с детства получил известную революционную закваску. Но не трудно, на основании его собственных показаний, понять, как элементарна была эта революционная подготовка: она не шла дальше глухой мужицкой ненависти к барам, помещикам и неопределенных воспоминаний о „казаках, сражавшихся за свободу и народное благо" [5]). Потуги Гапона доказать свою исконную революционность только подчеркивают ее элементарный характер, политическую наивность Гапона.

При таких условиях можно, кажется, поверить Гапону, что в духовном училище и в семинарии он подвергся некоторому идейному влиянию толстовства, — не особенно, впрочем, глубокому, вызвавшему только некоторое моральное углубление религиозности [6]). Сильнее в том же направлении было, повидимому, влияние жены, умершей через два года после брака и поступления Гапона в священники [7]).

---

[1]) Варнашев: „Истор.-Револ. Сборник", I, стр. 187—188.
[2]) Там же, стр. 182—283.
[3]) Там же, стр. 183.
[4]) Записки Георгия Гапона. М. 1918, стр. 12.

[1]) Там же, стр. 8.
[2]) Там же, стр. 9—10.
[3]) Павлов. Из воспоминаний о рабочем союзе и священнике Гапоне: „Минувшие Годы" за 1908 г., март, стр. 31; к биографии Гапона: „Минувшие Годы" за 1908 г., июль, стр. 39.
[4]) Записки Гапона, стр. 17—18, 23.
[5]) Там же, стр. 8.
[6]) Там же, стр. 12—13.
[7]) Там же, стр. 16—17.

Религиозный экстаз и проповедническая деятельность дали Гапону поддержку полтавского епископа Иллариона и одной полтавской богатой дамы при поступлении его в петербургскую духовную академию. Победоносцев и его помощник Саблер помогли этому делу и на первом же курсе началась проповедническая деятельность Гапона в Петербурге. Тогда он ненадолго стал, по предложению петербургского архиепископа Веньямина, слышавшего о нем от Иллариона полтавского, членом миссии для рабочих классов на Боровой улице, но скоро разошелся с товарищами по работе и ушел оттуда: к официальной миссионерской мерке он не пришелся. Будучи на втором курсе, Гапон стал священником во втором приюте Синего Креста в рабочем квартале и проповедником в Ольгинском доме для бедных, находившемся под покровительством императрицы. „В то время“,—говорит Гапон,—„я еще не думал о необходимости политических реформ, и говорил рабочим, что трудовой организацией они добьются лучших результатов для себя, чем столкновением с правительством“. Его воображению скоро после того стал рисоваться идеальный образ царя в лице Николая II [1]).

Проповеди Гапона сильно действовали на массы, и среди его товарищей по академии „составилось мнение, что Гапон способен электризировать толпу“ [2]). Этими же проповедями и своим проектом устройства рабочих домов в городах и рабочих колоний в деревнях Гапон достиг большой популярности среди великосветских дам-патронесс, и его стали приглашать в салоны и гостиные, присылали ему фрукты и вина [3]). Все это возбуждало и развивало в Гапоне честолюбие. Но он с мужицкой хитростью понимал, что главная его сила—влияние на массы, и потому вел себя просто: сам колол дрова, играл с ребятами в лапту, отдал однажды новые сапоги босяку, раздавал щедро все свои деньги. С приютским начальством он скоро разошелся и ушел из приюта, но рабочие прихожане были за него [1]).

[1]) Там же, стр. 18—30.
[2]) Бухбиндер, Из жизни Г. Гапона: „Красная Летопись“ за 1922 г., № 1, стр. 102.
[3]) Бухбиндер, Из жизни Г. Гапона: „Красная Летопись“ за 1922 г. № 1, стр. 102. Записки Г. Гапона, стр. 30.

Проекты Гапона и его влияние на рабочих вызвали донос на него. Расследование было поручено чиновнику охранного отделения Михайлову, от которого узнал о Гапоне и его влиянии на рабочих Зубатов и захотел познакомиться с ним. В беседе с Гапоном Зубатов проводил свою любимую мысль, что самодержец выше классов, и что необходимо бороться против интеллигенции, и пригласил Гапона поехать в Москву и познакомиться с московской зубатовской организацией [2]). Тогда же, в 1902 году Гапон, повидимому, обещал свое содействие Зубатову, стал получать по его представлению 100 руб. в месяц жалованья и начал посещать собрания петербургской зубатовской организации, об образовании которой нами сказано выше [3]).

Гапон не являлся руководителем зубатовской организации в Петербурге и не играл в ней сначала активной роли, не участвовал даже в том обмене мнений, который происходил в собраниях. Он только беседовал с рабочими о их нуждах до и после официальных собраний, раздавал им деньги, обещал ходатайствовать за них в разных делах, сам посещал их и принимал у себя, словом, делал все от него зависящее, чтобы приобрести возможно большую популярность. Между прочим, он умело отклонил и устранил, несомненно, провокационную попытку зубатовцев устроить конспиративные собрания для обсуждения политических вопросов с протоколами этих собраний. Неудивительно, что рабочие скоро стали предлагать Гапону возглавить собою организацию. До поры до времени Гапон, однако, эти предложения откло-

[1]) Бухбиндер, Из жизни Г. Гапона: „Красная Летопись“ за 1922 г. № 1, стр. 103—105.
[2]) Записки Г. Гапона, стр. 33—37.
[3]) Зубатов, Зубатовщина: „Былое“ № 4 (26), октябрь 1917 г., стр. 169.

нял, отговариваясь выпускными экзаменами в академии и другими причинами [1]).

То были, однако, лишь предлоги. Причина такого поведения Гапона в отношении к зубатовской организации лежала глубже: она заключалась в существенных разногласиях между Зубатовым и Гапоном по вопросу об отношениях между легальными рабочими организациями и администрацией. В этом нельзя сомневаться, так как все наши источники, независимо один от другого, подтверждают это.

Гапон в своих записках сообщает, что он представил Зубатову доклад о необходимости независимых, свободных от администрации, рабочих союзов, при чем митрополит Антоний и градоначальник Клейгельс были на стороне Гапона [2]). Повидимому, здесь Гапон умалчивает только об одном: он имел в виду не полную свободу, а руководство организациями через лиц, пользующихся доверием администрации вроде него, но не афиширующих, даже скрывающих свою связь с администрацией, особенно с политической полицией.

О том же свидетельствует сам Зубатов: он констатирует стремление Гапона к самостоятельности рабочих союзов, к их независимости от администрации и квалифицирует это стремленье как ложное: по Зубатову, рабочие не могут быть самостоятельными, они, ускользая от влияния администрации, подпадают под влияние революционных партий [3]).

Наконец, это же подтверждается интересными, правдивыми и очень важными воспоминаниями Варнашева: Варнашев сам слышал, как Зубатов, однажды, сказал Гапону: „вечно, вы со своими софизмами, Георгий Аполлонович“; потом Гапон говорил Варнашеву, что петербургская организация скомпрометирована связью с Зубатовым, заведующим политическими делами и борьбой

[1]) Варнашев, „Ист.-Револ. Сборник“, I, стр. 183—186.
[2]) Записки Г. Гапона, стр. 38.
[3]) Зубатов, Зубатовщина: „Былое“ № 4 (26), октябрь 1917 г., стр. 171—172.

с революционными партиями, и что надо устроить другую организацию с другим уставом и освободиться от агента Зубатова Соколова и от агента Витте Ушакова [1]).

Так обстояло дело до осени 1903 г. В августе этого года Зубатов разошелся с Плеве, и звезда его закатилась. Лишь после этого Гапон выдвигается на первый план в петербургском рабочем движении и основывает свою организацию. Она строилась уже на почве, подготовленной зубатовщиной: собрания, организованные зубатовцами, будили рабочее сознание, формировали его различным образом у отдельных групп петербургских рабочих; некоторые рабочие всех благ ждали от собраний, другие увлекались борьбой за лучшее будущее, третьи впервые услыхали здесь о революционных партиях [2]).

Какова была идеология и психология Гапона с осени 1903 г. до наступления через год после того „весны“, возвещенной Святополк-Мирским? Можно ли смотреть на него в это время и позднее, как на человека, продавшегося за деньги охранному отделению [3])?

Мы считаем такой взгляд ошибочным. Корыстные мотивы не играли не только определяющей, но и вообще важной роли в жизни Гапона. Он не был аскетом, любил пиво, много курил, будучи вдовцом-священником и не имея возможности вступить в формальный брак во второй раз, он взял девушку из приюта и жил с ней, как с женой [4]), но он не пьянствовал, не развратничал, жил вообще скромно, нередко нуждался и щедро раздавал деньги—все, какие имел,—нуждавшимся, особенно из рабочей среды [5]). Он был прав, когда говорил, что брал деньги из департамента полиции не для себя, а для дела.

[1]) Историко-Револ. Сборник, I, стр. 189.
[2]) Варнашев, От начала до конца с гапоновской организацией: „Ист.-Рев. Сборн.“, I, стр. 184.
[3]) Феликс, Г. А. Гапон и его общественно-политическая роль. Спб. 1906.
[4]) Павлов, Из воспоминаний о рабочем союзе и священнике Гапоне: „Минувшие Годы“ за 1908 г., март, стр. 31, 44.
[5]) Карелин, 9-е января и Гапон: „Красная Летопись“ за 1922 г., № 1, стр. 112, 114.

Какое же это было дело? Был ли Гапон революционером?

Политическая, революционная, социалистическая наивность, примитивность Гапона в это время и позднее не подлежит ни малейшему сомнению. В марте 1905 г. в Женеве на деятелей Бунда, с ним беседовавших, он произвел впечатление „человека очень неинтеллигентного, невежественного, совершенно не разбирающегося в вопросах партийной жизни", социализм его не шел дальше примитивной мысли о том, что все люди братья [1]). Плеханов говорил ему: „поучиться надо, отче Гапоне, поучиться". Гапон беспомощно метался потом заграницей между социал-демократами и социалистами-революционерами и так и не мог найти себе место в политической действительности.

Но в то же время нельзя отрицать его искренность, когда он говорил: „я обыкновенный, простой человек, кипящий негодованием и готовый душу свою положить за други своя; верьте в мое искреннее чувство полной солидарности с угнетенным классом и в мое желание быть ему полезным во что бы то ни стало" [2]).

Незнакомый с революционной и социалистической идеологией, примитивно мыслящий политически, неспособный сознательно разобраться в общественной жизни, проникнутый царистскими иллюзиями, не чуждый морального влияния толстовства, руководимый инстинктом демократа по происхождению и настроению, чувствуя себя способным владеть толпой, будучи „наблюдательным, умеющим узнавать людей, знающим психологию массы" [3]), обладая „умом острым, живым, быстро схватывающим суть дела", будучи „ловок, изворотлив", „догадываясь инстинктом" [4]) — Гапон сознательно ставил целью организации „укрепление в русском рабочем его национального самосознания и развития его сил для самопомощи", средствами для чего должны были служить „чтение и помощь в болезнях и несчастных случаях" [1]).

Он был огорчен убийством Плеве, от которого ждал денег на училище для рабочих и которого ценил за энергию и ум [2]). И в то же время мечтал о всероссийской организации рабочих [3]), для чего посетил Москву, Харьков, Киев, Полтаву [4]), наделал в июне много хлопот московской администрации, критикуя в рабочей среде узость обществ взаимопомощи и настаивая на независимости рабочих организаций от властей [5]); наконец, под влиянием либералов [6]) стал с весны 1904 года вырабатывать петицию от имени рабочих с изложением их нужд, с политическими и экономическими требованиями, которые оппозиции среди рабочих, державшейся сначала по отношению к нему осторожно, показались шире требований социал-демократов и вызвали полное к нему доверие [7]). Помимо своих внешних свойств—агитационного темперамента, приятного голоса, выразительных, хороших глаз, Гапон потому также влиял на рабочих, что политически он, по своей примитивности, был ближе к ним, чем социалистические агитаторы. Импонировала и ряса священника.

Основные этапы развития гапоновской организации в Петербурге были таковы: осенью 1903 года Гапон собрал учредительное собрание из 15—20 рабочих, в числе которых были: Степанов, Васильев, Горбачев, Кладовников, Устюжанин, Зимин, Маслов, Семенов, Смирнов, Лехвонен, Варнашев и др., — все не моложе 30-ти лет.

---

[1]) К биографии Гапона (из женевского архива Бунда): „Мин. Годы" за 1908 г., июль, стр. 39, 45.
[2]) Павлов, Из восп. о раб. союзе и свящ. Гапоне: „Минувш. Годы" за 1908 г., март, стр. 33
[3]) К биогр. Гапона: „Мин. Годы" за 1908 г., июль, стр. 40.
[4]) Павлов, Из восп. „Мин. Годы", март, 1908 г., стр. 43.

[1]) Зап. Г. Гапона, стр. 45.
[2]) Там же, стр. 51.
[3]) Там же, стр. 50, Павлов, Из восп. „Мин. Годы" за 1908 г., март, стр. 34.
[4]) Зап. Г. Гапона, стр. 50.
[5]) К истории „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга": „Красная Летоп." за 1922 г., № 1, стр. 300, 301.
[6]) Зап. Г. Гапона, стр. 52.
[7]) Карелин, 9-е января и Гапон: „Красная Летоп." за 1922 г., № 1, стр. 107.

„Всех привлекала общественная деятельность и идея классовой организации". По предложению Гапона, собравшиеся постановили, что новая организация отвергает административную опеку над собой, должна иметь материальную независимость, и что для нее необходимы устав и помещение. Помещение было найдено и обставлено собственными силами. Собрана была из пожертвованных рабочими книг и библиотека. Учредители составили ответственный кружок, потом постепенно разроставшийся и дошедший в январе 1905 г. до 100 человек. Председателем собраний был Варнашев, секретарем—Васильев, заведывающим буфетом — Устюжанин, библиотекарем— Степанов [1]). Гапон являлся руководителем или, как он официально назывался, „представителем" организации „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга".

Вокруг этого ответственного кружка сложилось очень скоро ядро организации — 70 или 80 челов. рабочих [2]). Собрания начинались молитвой и проходили в чтении газет и книг по рабочему вопросу. Директор департамента полиции Лопухин дал 60 руб. на выписку консервативных газет, митрополит Антоний дал 100 руб. и назначил Гапона священником петербургской пересыльной тюрьмы, за что Гапон получил 2.000 руб. жалованья в год, большую часть которых тратил на нужды организации. В начале ноября исключены были из организации бывшие агенты Зубатова и Ушаков, основавший свою группу в экспедиции заготовления государственных бумаг, и 17 рабочих представили градоначальнику Клейгельсу устав, утвержденный только через три месяца с значительными изменениями. В апреле 1904 г. открыта была официально новая организация, и к концу первого месяца существования в ней насчитывалось до 300 членов. Гапон просил управляющих фабрик об улучшении положения рабочих, сглаживал недоразумения между фабричной администрацией и рабочими. Новый градоначальник генерал Фуллон сначала относился недоверчиво к Гапону и его делу, но Гапон сумел побороть это недоверие, опираясь на служивших в департаменте полиции Скандракова и Гуровича [1]).

„Боялись правительства, опасались и партийных", боролись с выступлениями партийных на собраниях. Гапону было трудно достичь доверия властей: он уставал, обивая пороги; его поддерживали в департаменте полиции Лопухин и Скандраков. Читались лекции Малиновским по истории русской литературы, Финкелем [2]) по истории, устраивались музыкально-литературные вечера под руководством Павлова. Ответственный кружок, состоявший из квалифицированных, хорошо оплачиваемых рабочих, не долюбливал политику и стоял на точке зрения мирного профессионального движения. Но был и конспиративный кружок из 10-ти человек, занимавшийся изучением истории революционного движения, без какой-либо, однако, революционной активности. Читались здесь и нелегальная литература и „Капитал" Маркса. Гапон старался помогать в понимании читаемого, но не всегда успешно: он стоял немногим выше других участников кружка в понимании рабочего движения, но ценил в кружке средство выработки „вожаков для будущей революционной деятельности, которая представлялась ему довольно неясно и расплывчато" [3]).

Довольно важное значение в развитии организации и с точки зрения ее идейного направления и по количественному росту ее членов имело вступление в ее состав группы лиц, хотя и беспартийных в данный момент, но уже искушенных в политике [4]). То были Карелины—

[1]) Варнашев: „Ист.-Рев. Сборн.", I, стр. 190—191.
[2]) Зап. Г. Гапона, стр. 43; Карелин: „Красн. Летоп.", 1922 г., № 1, стр. 107.

[1]) Зап. Г. Гапона, стр. 44—48.
[2]) Так надо читать его фамилию, а не „Финкельштейн": Айнваф т, „Зубатовщина и Гапоновщина", изд. 3-е, Москва, 1924 г., стр. 124.
[3]) Варнашев, „С начала до конца с гапон. организацией", „Ист.-Рев. Сборн.", I, стр. 191—194.
[4]) Там же, стр. 195.

муж и жена (Карелин был членом еще брусневской организации) [1]), Кузин, Харитонов, Иванов, Усанов, Иноземцев. Началась критика японской войны и политики правительства, собрание и Гапон стали леветь [2]). Число отделов и членов начало быстро увеличиваться. К ноябрю было 11 отделов и организовался 12-й в Сестрорецке [3]); число членов к концу 1904 г. дошло до 12.000 чел. [4]).

„Весна" Святополк-Мирского дала окончательный толчок идейному развитию собрания. Еще в марте 1904 г. Гапон на собрании у него на квартире сообщил Карелину, Кузину, Васильеву и Варнашеву текст петиции, им выработанный, а осенью стал проводить принцип борьбы с самодержавием, умело инструктируя своих сотрудников, чтобы они не говорили ничего прямо, а осторожно наводили на напрашивающиеся сами по себе ответы аудиторию. В этом смысле и направлении работали под руководством Гапона — Иноземцев, Филиппов и Рудак—в Нарвском районе; Карелин и Усанов—в Василеостровском, Харитонов—в Коломенском, Степанов—на Петербургской стороне, Кладовников—в Рождественском районе. 28 ноября 1904 г., после избиения студентов нагайками у Казанского собора, Гапон заявил на собрании из 35 человек, что для поддержки интеллигенции нужна петиция от рабочих [5]).

Таким образом, „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" имело в общем и целом не только трэд-юнионистский характер, но и совершенно мирный, лишенный боевого значения в экономическом смысле. Политическая примесь в нем появилась позднее, была расплывчата, неопределенна, навеялась, главным образом, войной, а потом политической „весной".

---

[1]) Карелин, „9-е января и Гапон": „Красн. Лет." за 1922 г., № 1, стр. 107.
[2]) Варнашев. „Ист.-Рев. Сборн.", I, стр. 196.
[3]) Карелин, „Красн. Лет." за 1922 г., № 1, стр. 109.
[4]) Варнашев, „Ист.-Рев. Сборн.", I, стр. 205.
[5]) Варнашев. „Ист.-Рев. Сб.", I, стр. 197—202; пока, однако, ни окончательный текст петиции, ни способ ее подачи не были установлены.

Однако, и такая организация вызывала тревогу и недовольство в среде предпринимателей и фабрично-заводской администрации, привыкших к приемам некультурного, грубо-хищнического капитализма, исключавшего влияние какой бы то ни было рабочей организации. Именно, на почве такого настроения [1]) предпринято было и осуществлено увольнение четверых рабочих Путиловского завода, бывших членами „Собрания"—Сергунина, Субботина, Уколова и Федорова. Увольняя их, администрация Путиловского завода довольно ясно подчеркнула принадлежность к „собранию", как основную причину увольнения [2]).

Это был вызов, которого нельзя было не принять. Наступил, как то ясно сознавал Гапон, решительный момент: не заступиться за уволенных—значило—лишить „собрание" всякого доверия в рабочей среде; отстояв их, „собрание" приобретало огромный авторитет [3]). Понимала это и заводская администрация. Один из мастеров Путиловского завода прямо сказал Гапону, что вернуть рассчитанных рабочих нельзя: тогда весь Путиловский завод вступит в члены Собрания [4]).

Гапон попытался все-таки сначала уладить дело обычным, мирным путем и направил депутацию к директору Путиловского завода Смирнову с просьбой обратно принять рассчитанных рабочих. Смирнов отвечал отказом. Тогда Гапон созвал 12-ть делегатов отделов Собрания, и решено было снова послать три депутации к Смирнову, к фабричному инспектору Чижову, и к градоначальнику Фуллону. Смирнов ответил снова отказом, Чижов советовал успокоиться, говорил, что рабочие не правы, Фуллон, к которому вместе с рабочей депутацией ходил сам Гапон, обещал сделать все от него зависящее.

---

[1]) Павлов, Из восп. о раб. союзе и свящ. Гапоне: „Минувш. Годы" за 1908 г., апрель, стр. 80.
[2]) Зап. Г. Гапона, стр. 55.
[3]) Зап. Г. Гапона, стр. 55.
[4]) Павлов. „Мин. Годы" за 1908 г., апрель, стр. 81.

21 декабря Гапон еще раз посетил Чижова и Фуллона, но опять-таки безрезультатно [1]).

В дальнейшем, наши источники, не противореча друг другу, взаимно дополняют сообщения свои, указывая на ряд собраний. Особенно важны были собрания 27-го и 28-го декабря. 27-го собраны были Гапоном до 80 человек членов правлений отделов Собрания, были и некоторые партийные. Рабочие настаивали здесь на забастовке и петиции. Гапон долго упорствовал, считал выступление несвоевременным. В конце-концов, он, однако, уступил, и решено было подготовить и подать петицию [2]).

28 декабря состоялось собрание более, чем из 300 человек членов организации с участием представителей социал-демократов и социалистов-революционеров. Опять решено было направить депутацию к Смирнову, Чижову и Фуллону, формулировав, однако, требования, более отчетливо и решительно. Резолюция этого собрания гласила: 1) заявить через градоначальника высшему правительству, что отношения труда и капитала в России ненормальны; 2) потребовать от администрации Путиловского завода, чтобы мастер Тетявкин, ближайший виновник расчета четырех рабочих, был уволен; 3) просить градоначальника и фабричного инспектора, чтобы факты произвольного расчета рабочих не повторялись; 4) заявить, что „если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фабрично-заводских рабочих не ручается за спокойное течение жизни города“ [3]).

Смирнов ответил на это об'явлением, в котором указывал, что Собрание фабрично-заводских рабочих нарушило свой устав, и что он, Смирнов, доложил об этом нарушении градоначальнику. Не удовлетворили рабочих и ответы Чижова, всецело их обвинявшего, и Фуллона,

[1]) Зап. Г. Гапона; Павлов, Варнашев, Невский, „Январьские дни в Петербурге в 1905 г.“, „Красная Летопись“ за 1922 г., № 1, стр. 17.

[2]) Карелин, „9-е января и Гапон“, „Красн. Летоп.“ за 1922 г. № 1, стр. 111.

[3]) Невский, „Янв. дни 1905 г. в Петербурге“: „Кр. Летоп.“ за 1922 г., № 1, стр. 15—16.

указывавшего на революционный характер последнего пункта требований и дававшего неопределенные обещания постараться уладить конфликт. Все это происходило 29-го и 30-го декабря [1]).

Настроение рабочих поднималось все выше, атмосфера разгорячалась. Неудивительно, что Гапон 31 декабря, в разговоре с Павловым, рисовал перспективу забастовки и восстания, перехода войск на сторону рабочих; для себя он ждал гибели или на баррикадах, или в тюрьме и жаловался, что ему до сих пор не доверяют [2]).

1-го января 1905 года собрание представителей отделов решило об'явить забастовку.

2-го января на собрании Нарвского отдела, где присутствовало 600 человек, председатель Иноземцев доказал произвольность и неосновательность увольнения четырех рабочих. Представители с.-д. организации предлагали революционное выступление с красными знаменами и пытались разбросать прокламации, но это не имело успеха и, по предложению Иноземцева, решено было держаться на экономической почве, не нарушая порядка, прекратить 3 января работы на Путиловском заводе и потребовать увольнения Тетявкина и приема рассчитанных рабочих.

Все это было выполнено 3-го января, и когда директор Смирнов отвечал отказом на требования рабочих, забастовка началась.

Она сопровождалась собраниями отделов организации, при чем Гапон оглашал на этих собраниях требования путиловских рабочих: они состояли в том, чтобы составлено было совещание депутации от рабочих и представителей акционерного общества Путиловского завода в равном числе от каждой стороны, при чем никто не должен потерпеть за забастовку, за забастовочные дни должно быть уплачено, расценки назначаются по соглашению мастера с выборными от рабочих, в заводе учреждается постоянная комиссия из выборных рабочих, которая, по согла-

[1]) Там же, стр. 16—17.

[2]) Павлов: „Мин. Годы“ за 1908 г., апрель, стр. 84—86.

шению с администрацией, разбирает все претензии рабочих и решает вопрос об увольнении рабочих. Вместе с тем Гапон, по указанию рабочих, формулировал еще ряд конкретных требований: восьмичасового рабочего дня, работы в три смены, отмены сверхурочных работ, повышения платы чернорабочим—мужчинам с 60 коп. до 1 р., и женщинам — с 40 коп. до 75 к. в день, — улучшения санитарной части на заводе и бесплатной врачебной помощи заболевшим рабочим [1]).

4-го января эти требования были пред'явлены Смирнову и встретили, разумеется, снова самый решительный отказ.

Партийные организации — меньшевиков и большевиков—попытались вмешаться в дело и предложить от себя требования. Меньшевики в своей прокламации требовали повышения расценок, отмены штрафов и сверхурочных работ и называли требования, выставленные гапоновской организацией, ничтожными. Прокламация большевиков не содержала конкретных требований, а призывала к борьбе с капиталистами и правительством. Ни та, ни другая прокламация не оказала влияния. Рабочие остались всецело на той почве, на которую их ставила в согласии с их волей гапоновская организация [2]).

5-го и 6-го января забастовка, начавшаяся на Путиловском заводе, стала быстро распространяться по всем крупным, а потом и мелким промышленным предприятиям Петербурга. Иногда, как это было на Франко-Русском заводе, в мастерские являлись делегаты путиловских рабочих и агитировали за забастовку. Чаще всего путиловцы выступали на собрании местного отдела гапоновской организации, там принималось постановление о забастовке, а затем она осуществлялась. 7-го января группа рабочих Трубочного и Балтийского заводов на Васильевском острове прошла по 23-й и Косой линиям и остановила работы на мелких фабриках. В тот день бастовал уже весь промышленный Петербург [1]).

Гапону еще 28 ноября было поручено составить петицию от рабочих и решить вопрос, как представить ее по назначению. Гапон ее составил и, повидимому, она осталась в том именно виде, в каком вышла из-под его пера, если не считать некоторых политических добавлений, сделанных под влиянием с.-д., и двух или трех чисто стилистических поправок, внесенных Матюшенским [2]). Чуткость к настроению масс подсказала Гапону и способ ее подачи: итти всем миром к царю. Это в точности соответствовало царистским иллюзиям рабочей массы, которая поэтому единодушно отозвалась: „к царю, искать правды“ [3]). Напрасно большевики в своей прокламации от 8-го января указывали на небходимость восстания и вооруженной борьбы [4]), — масса слепо, стихийно шла с Гапоном и за Гапоном, потому что он уловил ее сокровенные стремления и опирался на ее традиционные верования. У самого Гапона были сомнения, пойдут ли за ним рабочие, и он рассылал близких к нему лиц из ответственного кружка разведывать настроение рабочих. Они принесли ему успокоительные сведения [5]).

Наши источники не согласны по вопросу о том, когда именно Гапон бросил лозунг—итти всем миром; по одним [6]) это было еще 4-го января, по другим [7]) 6-го. Как бы то ни было, но петиция и ее подача царю всеми рабочими Петербурга в массовой демонстрации, которую Гапон задумал с целью сделать свое дело известным всей России [8]), не только способствовала увеличению численного

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Петерб.: „Красн. Лет.“ за 1922 г., № 1, стр. 18—20.

[2]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Петербурге: „Красн. Лет“ за 1922 г., № 1, стр. 21.

[1]) Там же, стр. 21—23.

[2]) Это видно из рассказов Карелина и Варнашева. Павлов неверно изображает это дело. По Янову, Гапон только 7 января вставил свободу слова и печати, отделение церкви от государства и прекращение войны: Айзафт. Зуб. и Гапон, стр. 145.

[3]) Павлов, „Мин. Годы“ за 1908 г., апрель, стр. 88.

[4]) Невский, „Красн. Лет.“, за 1922 г., № 1, стр. 21.

[5]) Карелин, „Красн. Лет.“ за 1922 г., № 1, стр. 112.

[6]) Павлов. „Мин. Годы“ за 1908 г., апр., стр. 88.

[7]) Варнашев. „Ист.-Рев. Сб.“. I, стр. 203.

[8]) Там же, стр. 203.

состава гапоновской организации, но сделала ее организацией всего рабочего Петербурга. В один момент было достигнуто то, о чем можно было раньше только мечтать как о вожделенной, но далекой цели. Секрет достижения заключался в том, что чутьем уловлено было массовое настроение.

7-го и 8-го января с раннего утра до глубокой ночи отделы Собрания были полны рабочими. Одна толпа сменяла другую, все напряженно слушали текст петиции, подымали руки в знак одобрения, как для присяги, клялись итти все, как один. Гапон переезжал из отдела в отдел, читал и раз'яснял петицию и заключал характерным и знаменательным выводом: „а если царь нас не послушает — нет у нас ни бога, ни царя!“ И этот вывод повторялся за ним с глубокой серьезностью массами рабочих.

Нет ничего красноречивее и искреннее следующего рассказа одного рабочего об общем настроении: „все говорили: пойдем к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему: отец, прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, т.-е. детям твоим; мы знаем, ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем, как всегда измучены и притом невежественны, подобны скотам, почти что все неграмотны. Ожидали все получить это все, что говорили, и притом говоря так: ведь и в евангелии сказано, что отец принял блудного сына, а ведь мы не блудные, мы все стараемся, убиваемся и притом сидим голодные“ [1]).

Участники движения рассказывают, будто бы интеллигенты из „Союза Освобождения“—Богучарский, Прокопович и др.,—находили, что содержание петиции было лучше и шире требований, составлявших содержание социал-демократической программы [2]). Нельзя, конечно, согласиться,

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г., в Петерб.: „Красн. Лет.“ за 1922 г., № 1, стр. 31.

[2]) Карелин, 9-е января и Гапон: „Красн. Лет.“ за 1922 г., № 1, стр. 110.

что оно было шире, но, повидимому, оно вполне соответствовало тому, что наболело у рабочей массы. Едва ли можно предполагать, как это делают некоторые исследователи [1]), что петиция была делом Прокоповича и Богучарского. Ее текст лучше всего говорит за то, что составлял ее сам Гапон, рукою которого водила здесь не либеральная интеллигенция, а петербургская рабочая масса. Вот что гласил этот текст:

„Мы пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпим, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы уменьшить число рабочих часов до восьми в день, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозня-

[1]) Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, часть III, выпуск I, М. 1923 г., стр. 113—114. Во многом основательную критику этого взгляда см. у Айзафта, Зуб. и Гапон., стр. 144.

ков, дождя и снега"... „Государь! Нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности,—в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью твоих чиновников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку"... „Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы"... „Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов"... „Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобою и твоим народом и пусть он правит страной вместе с тобой"... „Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,—пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов". К этому главному требованию присоединены были в конце петиции ряд требований конкретных. То были: „I. Меры против невежества и бесправия русского народа: 1) немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки, 2) немедленное об'явление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии, 3) общее и обязательное народное образование на государственный счет, 4) ответственность министров перед народом и гарантия законности правления, 5) равенство перед законом всех без исключения, 6) отделение церкви от государства. II. Меры против нищеты народной: 1) отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом, 2) отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу, 3) исполнение заказов военного и морского министерства должно быть в России, а не заграницей, 4) прекращение войны по воле народа. III. Меры против гнета капитала над трудом: 1) отмена института фабричных инспекторов, 2) учреждение на заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих; увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии, 3) свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов—немедленно, 4) восьмичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ, 5) свобода борьбы труда с капиталом—немедленно, 6) нормальная заработная плата—немедленно, 7) непременное участие представителей рабочих в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих—немедленно" [1]).

Петиция заключалась следующими словами: „Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для

[1]) Наивность, политическая малограмотность многих их этих формулировок (особенно таких, как „потребительно-производительные профессиональные союзы") лучше всего обличает самостоятельное авторство Гапона.

защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, и имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и не зачем. У нас только два пути: или к свободе и к счастью или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы. Мы охотно приносим ее" [1]).

Каждое слово петиции повторялось рабочими на собраниях отделов, как эхом. Ее ценность и революционное значение и заключалось именно в том, что она организовала широкую рабочую массу Петербурга и двинула ее, проникнутую наивной верой в царизм, всю целиком на небывалую демонстрацию, имевшую, несмотря на свои мирные формы и, может быть, именно благодаря этим мирным формам, колоссальное революционизирующее значение.

Отправляясь 8-го января в министерство юстиции, куда он был вызван, Гапон написал письмо Николаю II, где просил его выйти к народу 9-го января в 2 часа дня и гарантировал безопасность. Другое письмо написал он министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому. Явившись в министерство юстиции, Гапон вручил министру Муравьеву копию петиции. При этом Муравьев указал Гапону, что он хочет ограничения самодержавия, на что Гапон ответил утвердительно, отметив, что без этого неизбежна революция. Это свидание убедило Гапона, что будут „серьезные беспорядки, но остановить движение было уже невозможно, не погубив всего его будущего". Гапон просил Горького и либералов предотвратить кровопролитие [2]). Вследствие этого организована была депутация из Арсеньева, Анненского, Пешехонова,

[1]) Полный текст петиции см. у Д. Сверчкова, На заре революции, стр. 59—63.
[2]) Зап. Г. Гапона, стр. 63—68.

Гессена, Мякотина, Семевского, Горького, Кедрина, рабочего Кузина, которая посетила председателя комитета министров Витте и министра внутренних дел князя Святополк-Мирского. Витте сказал депутации, что это дело не касается его компетенции, Святополк-Мирского депутация не застала дома, была принята товарищем министра Рыдзевским, который советовал депутации отговорить рабочих от их выступления и указал, что правительству все известно, и меры приняты. Впоследствии, 10 января, все почти члены депутации были арестованы на некоторое время [1]).

В правительственных сферах царила растерянность. Министр внутренних дел Святополк-Мирский уже давно подал в отставку, и только 8-го января у него состоялось совещание министров о том, что делать [2]). Фактически власть перешла к генералу Трепову, который вывел на улицы Петербурга войска с предписанием не пускать рабочих к Зимнему дворцу. Были вывешены в небольшом числе и не на видных местах об'явления градоначальника с запрещением сходбищ, но даже полиция не везде была осведомлена о действительном отношении власти к движению; в Нарвском районе в шествии участвовал помощник пристава и околодочный надзиратель, из которых один был убит, а другой ранен.

Шествие имело вид крестного хода: шли с иконами, хоругвями, портретами Николая II, пели „отче наш" и „спаси господи" [3]).

События 9-го января — „кровавого воскресенья" — хорошо изображены в докладной записке, составленной комиссией, избранной общим собранием петербургских адвокатов. Вот основные черты этих событий.

В 10 ч. утра у Нарвского отдела Собрания русских фабрично-заводских рабочих собралось до пяти тысяч и в 12 часов с иконами, хоругвями и несколькими портретами царя и царицы тихим шагом, с обнаженными голо-

[1]) Невский, „Красн. Лет." за 1922 г. № 1, стр. 37.
[2]) Гр. Витте, Воспоминания.
[3]) Невский, „Красн. Лет." за 1922 г., № 1, стр. 40.

вами и с пением „спаси господи“ двинулась к Нарвским воротам. В двухстах шагах от ворот на толпу поскакала кавалерия, перед которой рабочие расступились. Когда они снова сомкнулись за проехавшей кавалерией и продвинулись вперед еще шагов на 100, раздался залп пехоты, потом второй и третий. Оказалось много убитых и раненых. На Шлиссельбургском тракте шло 10 тыс. человек, но были встречены холостыми выстрелами и атакой кавалерии, при чем ранено было человек пять. С Петербургской и Выборгской стороны рабочие двинулись к Троицкому мосту, и у Александровского парка по ним сделаны были три залпа; убито было 48 чел. и столько же ранено. На Васильевском острове пехота сначала не стреляла, но конница действовала шашками, и за Средним проспектом рабочие устроили баррикаду, что вызвало уже и пехотную стрельбу. Несмотря на все препятствия, на Дворцовой площади собралось к 2-м часам дня много рабочих. И здесь действовала кавалерия и произведено было шесть залпов. Несколько ранее началась стрельба по Невскому проспекту и у Полицейского моста. Затем происходил по всему городу „целый ряд отдельных вооруженных нападений, не имевших уже никакой связи с волнениями рабочих, при чем заодно с войсками действовали отряды низших полицейских чинов“. В общем, таким образом, „днем 9-го января без всякого законного повода стреляли, вечером рубили, а в последующие два дня просто били“. Общее число пострадавших считают от нескольких сот до тысячи человек [1]).

Гапон участвовал в шествии Нарвского района и был спасен социалистом-революционером инженером Рутенбергом. Вечером, переодетый в штатское платье и остриженный, он присутствовал на собрании интеллигенции в Вольно-Экономическом Обществе, где произнес речь „от имени отца Георгия Гапона“ [2]). Он сам, впрочем, понимал, что все эти речи не нужны: надо было не говорить, а действовать [1]).

[1]) „Крас. Лет.“ за 1922 г., № 1, стр. 140 и след., 146 и сл. 153.
[2]) Рутенберг, Дело Гапона. „Былое“, № 2 (24). авг. 1917 г., стр. 11—12.

Потом он выпустил прокламацию, в которой разрешал от присяги офицеров и солдат. Он оставался в Петербурге в надежде, что „рабочие найдут как-нибудь оружие, и произойдет восстание“ [2]). 11-го января диктатором назначен был Трепов, никакого восстания не произошло, надо было спасаться; еще 8-го января отдан был приказ об аресте Гапона. Тот же Рутенберг помог Гапону уехать заграницу.

Заграницей Гапон беспомощно метался между социал-демократами и социалистами-революционерами, призывал к союзу с либералами, три раза возвращался в Россию и, вернувшись, наконец, в третий раз, задумал восстановить свою организацию [3]), получил в возмещение ее убытков 30 тыс. р., при чем совершенно запутался между грязными личностями вроде Матюшенского и Петрова [4]), департаментом полиции, пытавшимся использовать его с целью предотвратить террористические акты со стороны эс-еров, и самими эс-ерами, содействия которых он добивался через Рутенберга. Азеф, игравший у эс-эров видную роль, прямо поручил Рутенбергу, повидимому не без ведома департамента полиции, которому он также служил, убить Гапона. Рутенберг, искренне убежденный в предательстве Гапона, исполнил это [5]).

Огромная историческая важность события 9-го января не подлежит ни малейшему сомнению: в этот день сам царизм расстрелял царистские иллюзии в рабочем классе, революционизировал его и покончил навсегда с попытками полицейского социализма. Пролетариат России окончательно нашел и сознал себя как революционный класс.

[1]) Зап. Г. Гапона, стр. 84.
[2]) Там же, стр. 88.
[3]) Рутенберг, Дело Гапона: „Былое“, № 2 (24), стр. 16 и сл. 28 и сл.
[4]) Карелин: „Крас. Лет.“ за 1922 г., № 1, стр. 105.
[5]) Там же, стр. 116; Рутенберг: „Былое“, № 2 (24), стр. 29—66.

Это ясно видно прежде всего из того, что происходило после 9-го января в Петербурге и во всей России.

Лозунг Гапона—нет у нас царя—повторялся массой рабочих в Петербурге. Один обуховский рабочий не даром писал: „мы, рабочие, решили теперь биться до последней капли крови, до последнего издыхания“ [1]).

Всеобщая забастовка рабочих петербургских фабрик и заводов, правда, могла продлиться в течение нескольких дней после 9-го января: голод и нужда брали свое, и уже с 13-го января рабочие начали становиться на работу. Но это не значило, что они отказались от борьбы и примирились с существующим строем. Петербургский пролетариат взял на себя революционную инициативу и готовился в будущем к новым боям. А когда Трепов инсценировал мнимое примирение царя с рабочими, назначив по наряду от каждой фабрики определенное число рабочих и одев их даже в сделанные на казенный счет синие блузы, при чем перед „этой импровизированной „депутацией“, привезенной в Царское Село царь по бумажке прочитал несколько слов о своей заботливости о рабочих, то это вызвало взрыв негодования в рабочей массе: рабочие грозились убить или по крайней мере избить наряженных полицией „депутатов“ [2]).

9-го января пролетариат Петербурга—авангард передового класса России—начал революцию 1905—1907 годов. Инициатива принадлежала ему, и он связал политические революционные требования со своими классовыми

[1]) Невский: „Красн. Лет.“, за 1922 г. № 1, стр. 59. Недавно появилась преувеличенная оценка Зубатовщины и Гапоновщины: они рассматриваются как органическая часть рабочего движения (Айнзафт, Зуб. и Гапоновщ., стр. 129, ср. стр. 153 и сл.), т.-е. такая, без которой не получилось бы дальнейшее развитие этого движения; нельзя принять этот взгляд: Зубатовщина и Гапоновщина, полицейский социализм в России—факты правительственной политики, об'ективно, независимо от воли ее вдохновителей и руководителей, ускорившие процесс самоорганизации и самосознания рабочего класса; они содействовали этому процессу, но не были необходимым элементом его; и без них процесс классовой самоорганизации и классового самосознания совершился бы.

[2]) Там же, стр. 61.

экономическими интересами. Но, как всегда бывает в начале революций, и наша революция 1905—1907 годов началась на широкой социальной базе, об'единила в революционном действии также и разные слои буржуазии—мелкой, средней, отчасти даже крупной. Учащиеся в высших учебных заведениях выразили протест против расстрела, выставили революционные требования и забастовали—прекратили занятия. Ряд газет—не только левых, но даже правых—заявили требование конституции. Петербургские адвокаты составили и опубликовали записку, представлявшую собою изложение результатов расследования событий 9-го января, произведенного особой, выбранной ими комиссией [1]).

Так было в Петербурге. Но этого было мало: вся Россия резко реагировала на то, что произошло в столице, и революционное и оппозиционное настроение приобрело всероссийский характер. Забастовки, сопровождавшиеся революционными требованиями—экономическими и политическими, прокатились по всей России, захватили русских, польских, еврейских и латышских рабочих. Требования учредительного собрания, демократической республики, восьмичасового рабочего дня, улучшения оплаты труда — вот что составляло идейный смысл этого пролетарского движения. Российская социал-демократия, Бунд, латышские и польские с.-д. развили на этой почве широкую агитацию и укрепили свое влияние в рабочих массах.

Вместе с тем, сразу, однакоже, обнаружилось обстоятельство, сыгравшее важную роль в дальнейшем ходе революции: отдельные слои пролетариата в разных частях страны и в различных отраслях индустрии оказались достигшими далеко не одинаковой степени сознательности и организованности.

Наибольшей чуткостью и сознательностью отличался рабочий класс в Польше, Западном крае и в крупных прибалтийских центрах промышленности.

[1]) Там же, стр. 65.

Поэтому, напр., в Варшаве местный комитет польской социал-демократии мог планомерно провести всеобщую забастовку, назначив начало ее на 14-е января. Забастовка распространилась здесь и на железные дороги, при чем везде развернуты были чрезвычайно широкие требования экономические и политические: обычны были требования восьмичасового рабочего дня и увеличение платы на 30 или 40%, уничтожения правления царя и созыва законодательного собрания. Политическая забастовка в Варшаве длилась неделю — с 14-го по 21 января—и сопровождалась революционными выступлениями и столкновениями с войсками. Уже 14-го рабочие стреляли и бросали камнями в жандармов и солдат, били и тушили уличные фонари, останавливали извозчиков и трамваи, закрывали рестораны, разрушили 22 лавки казенной винной монополии, не выпивая, а выливая вино, воспрепятствовали вызванному было властями еврейскому погрому, строили даже баррикады. Наибольшего развития политическая стачка достигла 15-го, 16-го и 17-го января. По официальным, далеко не полным данным, было 90 убитых и 176 раненых, арестованы были 733 человека. Хотя политическая забастовка была 21-го января по постановлению революционных организаций прекращена, но экономическая продолжалась до половины февраля. Как и в Петербурге, рабочее движение в Варшаве встретило поддержку в учащейся молодежи: бастовали не только студенты и курсистки, но и некоторые ученики средних учебных заведений [1]).

Петербургские события нашли себе огромный отзвук в польской провинции — больше всего в Лодзи, Ченстохове, Домбровском районе, и затем и в более мелких промышленных центрах Польши. В Лодзи сразу забастовали 10 тысяч рабочих, при чем здесь почва была подготовлена самостоятельным экономическим стачечным движением, начавшимся независимо от петербургских событий. К вечеру 14-го января число бастующих лодзинских рабочих дошло до 70-ти тысяч. 15-го состоялась массовая рабочая демонстрация под лозунгами — конституции, всеобщей стачки и солидарности с русскими рабочими. 19-го января лодзинское движение достигло высшей точки своего развития, при чем в это время, отчасти и раньше, происходили вооруженные столкновения с войсками, сопровождавшиеся жертвами: по официальным данным убито было 18 человек и ранено 37. Фабриканты пошли на уступки: согласились на десятичасовой рабочий день и повысили расценки на 5, 12, 15%, смотря по размерам заработка: кто получал много, тому дана была меньшая прибавка, плохо оплачиваемые рабочие добились прибавки большей [1]).

В Ченстохове забастовка стала всеобщей 21-го января. Потом забастовали и Сосновицкий и Домбровский районы [2]). И везде к рабочим примыкали служащие, конторщики и интеллигенция, в лице, главным образом, учащейся молодежи [3]). Лозунгами борьбы были всюду свержение самодержавия, демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, повышение платы на 30—50% [4]).

В Риге еще в конце декабря 1904 г. и в начале января 1905 г. происходили политические демонстрации. Забастовка по поводу петербургских событий была об'явлена и проведена латышской социал-демократией 12-го января. 13-го она стала всеобщей. Лозунгами были: созыв учредительного собрания, все свободы, прекращение войны, восьмичасовой рабочий день и увеличение заработной платы. И здесь пролилась кровь: 13-го было 40 убитых и до 100 раненых. Стачка закончилась в Риге 20-го января. Отозвались на нее и другие промышленные центры Прибалтийского края [5]).

[1]) Невский, Январьские дни 1905 г. в провинции: „Кр. Лет." за 1922 г., № 4, стр. 52 и след.

[1]) Там же, стр. 76—83.
[2]) Там же, стр. 83 и след.
[3]) Там же, стр. 102.
[4]) Там же, стр. 102.
[5]) Там же, стр. 103 и след.

В Саратове забастовка началась два дня спустя после кровавого воскресенья в Петербурге, и отличалась организованностью, яркой политической окраской и стойкостью. И здесь огромное значение имело присоединение к забастовке железнодорожных рабочих и служащих [1]).

В Западном крае — в районе действия Бунда — забастовка проходила также с большим успехом и сопровождалась широкими экономическими и политическими требованиями [2]). На Кавказе армянский погром в Баку 6—9 февраля, происшедший при попустительстве администрации, дал возможность социал-демократам созвать собрание из 500 человек представителей рабочих, предпринимателей, общественных учреждений и политических партий, которое об'явило политическую забастовку протеста, созвало всенародное собрание для антипогромной агитации и выставило резкие обвинения против самодержавно-полицейского режима [3]).

Мы не будем останавливаться на других промышленных центрах России — на Харькове, Коврове, Кохме, Гусе-Хрустальном, Орехове, где движение имело характер средний, переходный от более ярких и организованных его проявлений, о которых сказано выше, к сравнительно менее сознательным и слабо организованным формам [4]). Отметим только в качестве типичного образца отсталости то, что произошло в Москве.

Здесь забастовка началась еще 10-го января в Замоскворецком районе и сразу захватила до 10.000 человек. 11-го она расширилась, при чем стачечники активно ее распространяли, снимали других с работы и собирались толпами, которые тотчас рассеивались нарядами полиции. 12-го января забастовало несколько предприятий, раньше не участвовавших в стачке, происходили столкновения

[1]) Там же, стр. 120 и след.
[2]) Бухбиндер, 9-е января и еврейское рабочее движение: „Красн. Лет." за 1922 г., № 1.
[3]) Мартов, История росс. социал-демократии, стр. 93—94.
[4]) Невский, Январьские дни 1905 г. в провинции: „Красная Летоп." за 1922 г., № 5, стр. 85 и след.

с полицией и аресты стачечников и представителей революционных партий. Заводы, начавшие забастовку накануне, то прекращали стачку, то снова к ней примыкали. По официальным данным, бастовало не менее 14 тыс. человек. 13-го забастовка вышла из пределов Замоскворечья и охватила свыше 17.300 чел., 14-го бастовало 30 тыс. человек, 15-го уже только 20 тыс., и дальше число забастовщиков пошло на убыль, пока все движение 20-го января не прекратилось окончательно.

В общем в Москве забастовка не только не была всеобщей, но не захватила даже и большинства рабочих. При этом требования московских рабочих имели почти исключительно экономический характер, политических требований почти не было.

Чем об'ясняется такой ход и характер московской январьской забастовки?

Несомненно, здесь влияли и действия местной администрации, и уступки предпринимателей. Градоначальник вывесил об'явление, что правительство уже приступило к разработке вопроса о сокращении рабочего дня и улучшении условий труда; с другой стороны, предприняты были массовые аресты: арестовано было до 167 человек рабочих и членов революционных организаций, и стянуты были войска. Наконец, фабриканты сделали частичные, иногда довольно значительные, уступки по части особенно увеличения заработной платы—на 10—15% и т. д. Общество трезвости издало успокоительное воззвание к рабочим [1]).

Но, конечно, главной причиной хода и характера московской забастовки была отсталость московских рабочих: тогда как в Петербурге преобладали количественно металлисты, и большинство петербургских рабочих окончательно пролетаризировалось, в Москве главное значение имели текстильщики, и большинство рабочих сохраняло связи с землей и деревней. При всем том, однако, было одно

[1]) Невский, Янв. дни 1905 г. в Москве: „Крас. Лет." за 1922 г. № 2—3, стр. 7 и след.

характерное для московских рабочих явление: на некоторых—и притом крупных предприятиях рабочие бастовали, не пред'являя никаких конкретных требований [1]). Обыкновенно это расценивается так же, как признак отсталости. Так это или не так, но здесь, несомненно, есть и другая, положительная сторона: забастовка без конкретных требований имеет смысл идейного протеста и выражения пролетарской солидарности с товарищами. Такое настроение в революционном смысле весьма ценно. И его проявление в самом начале революции было чрезвычайно знаменательно и показательно: мы увидим в свое время, что позднее оно принесло свои плоды.

И в Москве, наконец, как и везде, учащаяся молодежь оказалась солидарной с рабочими: забастовали и все высшие учебные заведения. Настроение средней и крупной буржуазии под влиянием петербургских событий стало оппозиционным. Смысл этих событий был ясен для всех, даже для консервативных кругов. Пишущий эти строки сам слышал от московского губернского предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкого такой отзыв: „революция началась,—это несомненно; теперь нельзя помочь беде никакими частичными уступками".

Первый акт революционной драмы таким образом разыгран был импозантно: забастовки произошли в 122 городах и промышленных поселках и на десяти железных дорогах [2]).

---

[1]) Там же, стр. 19.
[2]) Троцкий, 1905 год, стр. 84.

II.

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ.

Начальный факт революции застал революционные и оппозиционные силы в России врасплох, совершенно неподготовленными. Наступил боевой момент, а организации боевых сил почти не было, они были во всяком случае не мобилизованы. Следующий затем момент революции—с февраля по начало августа—и был периодом мобилизации оппозиционных и революционных сил.

Эта мобилизация диктовалась как неотложное дело всей политической обстановкой момента, все более осложнявшейся и становившейся грозной, возлагавшей на революционные и оппозиционные круги и организации огромную общественную ответственность.

В конце января под влиянием январьской бури правительство, не делая пока никаких политических уступок, попробовало успокоить петербургских рабочих назначением комиссии по рабочему вопросу с участием выборных от рабочих под председательством сенатора Шидловского. Необходимо было определить отношение к этой комиссии.

4-го февраля в Москве, в Кремле, убит был социалистом-революционером Каляевым проживавший там после оставления поста московского генерал-губернатора великий князь Сергей Александрович.

Война с Японией приносила одну неудачу за другой: 11 января последовало поражение при Сандепу, 14 февраля поражение при Мукдене.

В правительственных кругах шла глухая, но упорная борьба между крайними реакционерами, возглавлявшимися Победоносцевым, и консерваторами типа министра внутренних дел Булыгина, сменившего Святополк-Мирского, и министра земледелия Ермолова, которые настаивали на уступках, правда, очень умеренных. Николай II сначала склонился на сторону реакционеров, и утром 18 февраля 1905 года опубликован был манифест, в котором подчеркивалась необходимость сохранить самодержавие в полной неприкосновенности. Но большинство министров во главе с Булыгиным и Ермоловым настоятельно рекомендовали Николаю II уступки и грозили немедленной отставкой. Особенно сильным для Николая II аргументом за уступки оказался террористический акт, совершенный над великим князем Сергеем [1]), и вечером 18 февраля появился рескрипт на имя Булыгина, которым учреждалась под его председательством комиссия для выработки положения о государственной думе, которая, однако, должна была иметь лишь совещательный характер. Вместе с тем об'явлено было, что все общества, организации и отдельные лица могут вырабатывать и представлять правительству проекты преобразований. Тогда последовал ряд политических резолюций земств, ученых обществ и собраний.

Весна обострила положение до крайности. В мае при Цусиме разгромлена была эскадра адмирала Рождественского. К тому же времени и к лету относится большой под'ем рабочего, крестьянского и оппозиционно-буржуазного движения.

Рабочее движение пошло вперед со времени учреждения комиссии Шидловского, которое последовало 29 января 1905 г. В передовых рабочих кругах,—особенно в тех, которые находились под влиянием большевиков, сразу возникла мысль о бойкоте выборов в комиссию Шидловского. Однако, рабочая масса стояла за выборы, и пришлось на их почве вести агитацию, при чем меньшевики с самого начала высказались против бойкота, а заграничная

[1]) Лопухин. Отрывки из воспоминаний, стр. 60.

меньшевистская „Искра" выставила неосуществившийся, впрочем, план устройства широкой рабочей организации—политической и особенно профессиональной при посредстве выборщиков [1]).

Петербургские рабочие дали наказы выборщикам, которые должны были выбирать членов комиссии, при чем наказы эти отличались весьма широким содержанием: требовались восьмичасовой рабочий день, участие рабочих в установлении расценок заработной платы, открытие отделов собрания фабрично-заводских рабочих Петербурга, свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек. Шидловский заявил выборщикам, что не от него зависят открытие отделов и неприкосновенность и свобода слова депутатов от рабочих. Этот ответ дал победу бойкотистскому течению в рабочей среде: выборщики отказались выбирать членов комиссии, и в Петербурге снова произошла забастовка протеста. Для успокоения рабочих предприниматели сделали значительные уступки, как в смысле увеличения заработной платы, так и в отношении уменьшения рабочего дня [2]).

Уже эти экономические завоевания имели большое значение, как организующее и будящее сознание средство: рабочие воочию убедились, как важны организация и боевая тактика для защиты их интересов. Еще важнее было то, что и после 9-го января опыт, тогда приобретенный, подтверждался, подкреплялся новыми фактами: лисий хвост самодержавной власти обнаруживал в глазах рабочих ее истинную классовую природу не в меньшей степени, чем волчья пасть, открывшаяся в кровавое воскресенье.

[1]) Мартов, Истор. росс. социал-демократии, стр. 94—96. Сделана попытка связать выборы в комиссию Шидловского с образованием Совета рабочих депутатов в Петербурге („1905—1907 г. в профессиональном движении", статья Колокольникова, стр. 39—40). Конечно, в Совет попали и те, кто был депутатом в комиссию Шидловского, несомненно, что и в этих выборах и в существовании старост на заводах (см. там же, стр. 40 и след.) сказалось стремление рабочих к самоорганизации; но это и все: прямой связи здесь не было.

[2]) Общественное движение в России в начале XX века, т. II, часть I, стр. 96—99 (статья Кольцова).

В феврале и позднее развернулся ряд экономических забастовок в разных местах. Бастовали железнодорожники и достигали существенных перемен к лучшему. Происходили стачки типографских рабочих, приказчиков и ремесленных рабочих. Особенно широки были требования типографских рабочих: они настаивали на необходимости развитого фабричного законодательства, на восьмичасовом рабочем дне, на признании 1-го мая праздничным днем, на уничтожении сверхурочных работ, отмене ночного труда, облегчении труда женщин и отмене труда малолетних до 16-ти лет, на утверждении комиссий из рабочих и администрации для рассмотрения жалоб, на государственном страховании рабочих; наконец, выставлено было требование и созыва учредительного собрания. Весной забастовали булочники, судовые команды, портовые команды, прислуга в некоторых городах. Летом рабочее движение в Белостоке и Лодзи дошло до устройства баррикад, в Одессе рабочие волнения приняли прямо революционный характер; огромная стачка вспыхнула в Иваново-Вознесенске и длилась 50 дней, сопровождаясь расстрелами рабочих и разгромами фабрик. Предприниматели вынуждены были здесь повысить заработную плату на 7—15%. Стачечное движение шло и в Шуе, Тейкове, Кохме, Орехове-Зуеве. Кавказ весь охвачен был всеобщей политической забастовкой. Высоко поднялась стачечная волна также в Прибалтийском крае и в Польше [1]).

Одним из самых важных и характерных проявлений рабочего движения до осени 1905 г. надо считать самочинное, без признания закона, образование профессиональных рабочих союзов.

В связи с 9-м января в Петербурге профессионально организовались рабочие печатного дела, при чем видную организационную роль сыграл их профессиональный орган—журнал „Печатное Дело“. Союз этот окончательно был сформирован 18-го июня. Около того же времени возник

[1]) Там же, том II, ч. 1, стр. 201—221 (статья Кольцова).

союз конторщиков и бухгалтеров, делегатское собрание которого состоялось 6-го июля, при чем присутствовало 156 делегатов от $2^1/_2$ тыс. человек. Образовались также весной 1905 г. союз часовщиков, первое собрание которого состоялось 24-го апреля, и союз портных, портних и скорняков, основание которому было положено сходкой 70-ти человек, собравшихся в лесу. На подобной же лесной сходке в июле 1905 г. основали свой союз 100 сапожников и башмачников. Осенью появились союзы фармацевтов и приказчиков, при чем последний насчитывал в своих рядах до 2.000 человек. Основан был также союз садовников. В августе или сентябре положено было основание и петербургскому центральному бюро профессиональных союзов. В октябре и ноябре число петербургских профессиональных союзов дошло до сорока. Характерны, однако, для положения были два важных обстоятельства: во-первых, не имел своей профессиональной организации главный контингент петербургского фабрично-заводского пролетариата — рабочие металлисты, являвшиеся к тому же и передовыми рабочими столицы, и усилия петербургского центрального бюро организовать их в союз пока не привели ни к чему: металлисты были слишком заняты политической борьбой; во-вторых, подавляющее большинство петербургских союзов этого времени были не профессиональными организациями в собственном смысле этого слова, не вели никакой настоящей профессиональной работы: ни экономической, ни просветительной, а являлись лишь центрами агитации за необходимость устройства профессиональных союзов и развития профессионального движения. Исключение представлял собою едва ли не один только союз рабочих печатного дела [1]).

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 гг. в профессиональном движении, М., 1925, стр. 253 — 257. Гриневич, Профессиональное движение рабочих в России. СПб., 1908. Колокольников, Профессиональное движение в России., т. I, СПб., 1919. Святловский, Проф. движение рабочих в 1905 г., „Кр. Лет.“, 1922 г., № 2—3, стр. 165.

В Москве союз печатников возник еще в 1903 году и насчитывал уже тогда 400 чел., при чем этот союз сразу примкнул к социал-демократии; он продолжал существовать и действовать и в 1905 г. С весны 1905 г. появились в Москве союзы приказчиков и городских рабочих и служащих, создался стачечный фонд при кассе типографов, происходили совещания представителей бастовавших профессий. Весной же и летом организовались союзы булочников, ремесленных рабочих и рабочих частных развесочных. К декабрю 1905 года в Москве было уже более 50-ти профессиональных союзов, и даже к сентябрю число их доходило до 26. Еще в 1901 году, при московском отделении Русского Технического общества, на 50 тысяч рублей, пожертвованных Леденцовым, учрежден был Музей содействия труду, целью которого было собирание сведений о положении рабочих, устройство рабочих библиотек, выставок, лекций и непосредственная помощь отдельным рабочим и рабочим организациям. Либерально-народническое по своему первоначальному направлению, это учреждение с 15-го марта 1905 года приняло новый облик: окрасилось в социал-демократический, в значительной мере даже в большевистский цвет; в это время выбрано было новое правление, председателем которого стал сочувствовавший с.-д. присяжный поверенный Муравьев, и особо влиятельную роль в котором играл с.-д.-большевик М. Г. Лунц. С 24-го сентября стали происходить регулярные совещания представителей московских профессиональных союзов при участии правления музея содействия труду и уполномоченного петербургского союза работников печатного дела. Из этих совещаний образовалось бюро уполномоченных московских профессиональных союзов [1]).

Переходя к провинции, следует прежде всего особо отметить Харьков. Здесь существовало и прежде и пользовалось большим влиянием легальное Общество взаимопомощи. В начале 1905 года на Харьковском паровозостроительном заводе, вследствие происшедшей там забастовки, возникла рабочая комиссия из 60 человек в качестве представительства рабочих в их сношениях с администрацией; она заботилась об улучшении условий труда на этом заводе, улаживала конфликты между рабочими и предпринимателями на других фабриках и формулировала требования для рабочих других фабрик по их просьбам. К осени 1905 г. во всех производствах в Харькове возникли такие комиссии, в связи с происходившими тогда забастовками. Образован был общий стачечный фонд, которым управляли представители рабочих комиссий разных профессий. Существовали союзы рабочих печатного дела, механических рабочих, портных, приказчиков и ряд мелких ремесленных союзов. С сентября 1905 года стало действовать местное центральное бюро профессиональных союзов [1]). В Нижнем-Новгороде, Саратове и других городах еще до осени появились зародыши будущих профессиональных организаций в лице выборных рабочих комиссий, руководивших стачечной борьбой [2]). В других городах, если не считать бундовских и польских союзов, союзы стали возникать только с ноября и декабря 1905 года.

Но уже осенью становятся также заметными первые признаки об'единения профессиональных союзов на пространстве всей страны. На с'езде в Москве 20 и 21-го октября образован был всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих [3]). С 24-го сентября по 7-е октября 1905 года в Москве происходила первая профессиональная всероссийская конференция. Она возникла в результате инициативы Харьковского общества взаимо-

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 гг. в профессиональном движении, стр. 155—158, 261—262; Святловский, в „Кр. Лет." за 1922 г., № 2—3, стр. 166; Мартов, Истор. Росс. с.-демократии, стр. 98—99.

[1]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 гг. в проф. движении, стр. 275—278.

[2]) Там же, стр. 294. Мартов, Ист. росс. соц.-демократии, стр. 98.

[3]) Колокольников и Рапопорт, 1905—1907 гг. в проф. движен., стр. 161.

помощи, ходатайствовавшего о разрешении с'езда обществ взаимопомощи и получившего на это разрешение министерства внутренних дел. Летом 1905 года за подготовку с'езда взялись петербургские и московские профессиональные организации, и на совещании с харьковцами созданы были три районных центра — в Петербурге, Москве и Харькове. Правление Московского Музея содействия труду и организовало в Москве конференцию, заседания которой происходили 24-го сентября, 1, 6, 7 октября с участием всероссийского железнодорожного союза, 25-ти московских профессиональных союзов и групп и 10-ти профессиональных организаций Петербурга, Харькова, Екатеринослава, Нижнего-Новгорода и Сормова. По поручению конференции Лунц написал воззвание с призывом организоваться в профессиональные союзы и выработал программу предположенного конференцией с'езда профессиональных союзов [1]).

Вслед за рабочим движением, особенно с весны 1905 г., большого под'ема достигло крестьянское аграрное движение. Уже в феврале крестьяне некоторых местностей Орловской губернии начали забирать помещичий хлеб, кое-где громили и усадьбы. В Курской губернии и в Северо-Западном крае уже в то время разгромы помещичьих имений сделались обычной формой крестьянского движения. В Юго-Западном крае движение началось местными порубками, потом стали устраиваться забастовки сельскохозяйственных рабочих; наконец, дело дошло до разгромов имений и даже убийств. В Польше и Прибалтийском крае — областях с развитым сельскохозяйственным капитализмом — главное значение имели забастовки батраков. В Закавказье крестьяне начали выгонять администрацию и устраивать свое, крестьянское самоуправление. В Грузии, под влиянием грузинской социал-демократии, крестьянское движение развивалось под лозунгами не только аграрными, но и политическими [2]).

[1]) Там же, стр. 146—173.
[2]) Общ. движ. в России начала XX века, т. II, ч. 2, стр. 210—225 (статья Маслова).

В одной только центральной России крестьянским движением захвачено было 62 уезда — 14% [1]). Обнаружились и зачатки крестьянской организации, находившейся главным образом, под руководством или, по крайней мере, под влиянием партии социалистов-революционеров. Элементы организованности крестьянства стали наблюдаться на местах — сначала в Московской губернии, потом и в других — с весны 1905 года. 31-го мая и 1 июня в Москве состоялся нелегальный учредительный с'езд всероссийского крестьянского союза. На этом с'езде представлены были 25 губерний центральной России, окраины пока оставались не представленными. Число делегатов с'езда доходило до 125-ти челов., из которых было 100 крестьян и 25 интеллигентов. Платформа крестьянского с'езда и основанного им союза имела несомненный революционный характер: основными ее положениями были передача всей земли крестьянству, частью за вознаграждение, и учредительное собрание [2]).

Выше было указано на революционный характер рабочих волнений в Одессе в июне 1905 г., сопровождавшихся забастовкой и убийствами полицейских. В связи с ними находилось первое проявление разложения военной силы старого режима, имевшее место как раз в передовой части этой военной силы — во флоте: мы имеем в виду бунт матросов на броненосце „Князь Потемкин-Таврический". Экипаж этого корабля находился под сильным влиянием социал-демократической организации. Агитацию во флоте вел Крымский союз с.-д. партии, образовавший особую организацию моряков, охватывавшую десятки матросов во всех боевых единицах Черноморского флота. Задача партийной организации заключалась в том, чтобы не допустить преждевременной вспышки и начать восстание лишь тогда, когда оно будет достаточно подготовлено на всех кораблях. Но разгоряченная общественная атмосфера и импульсивность малосознательных еще

[1]) Там же, т. II, ч. 1, стр. 61 (статья Маевского).
[2]) Там же, стр. 62.

масс ускорила события и вызвала частичную вспышку на одном лишь „Потемкине". Поводом послужило столкновение команды „Потемкина" с офицером из-за дурной пищи. Матросы в ночь с 14-го на 15-е июня взбунтовались, убили командира судна и шестерых офицеров и захватили в свои руки управление броненосцем. Социал-демократическое ядро команды составило комитет во главе с с.-д. Кириллом и Фельдманом. Комитет взял на себя управление кораблем и поставил себе целью поднять весь Черноморский флот. „Потемкин" из Очакова, где он был, направился в Одессу, чтобы поддержать там рабочих. Здесь, однако, волнения рабочих были уже прекращены. „Потемкин" взял в Одессе запасы угля, воды и провианта; торжественно похоронен был в Одессе один, убитый во время восстания, матрос. Против „Потемкина" прислана была эскадра. Наступил критический момент, от которого зависела удача восстания. Оказалось, что оно было не достаточно подготовлено. К „Потемкину" присоединился только один броненосец „Георгий Победоносец", да и тот скоро ушел от него и принес повинную. Другие суда эскадры, правда, тоже были ненадежны, и командный состав не решился вступить в открытый бой с „Потемкиным" и „Георгием", а увел их обратно. Но все же они не присоединились к восстанию, а с уходом „Георгия" стало ясно, что дело проиграно. Одиннадцать дней „Потемкин" скитался по Черному морю, заходил в Феодосию за углем, водой и провиантом, наконец, сдался румынским властям, был ими разоружен, матросы остались в Румынии до последовавшей потом амнистии, а корабль был возвращен России [1]).

Почти одновременно с этим вспыхнуло движение и в сухопутной армии,—именно в лагере при Новой Александрии. Здесь действовала социал-демократическая военно-революционная организация. Руководителем ее явился бывший тогда меньшевиком офицер Овсеенко-Антонов.

[1]) Там же, т. II, ч. 1, стр. 65 — 69. Мартов, Ист. росс. с.-д., стр. 111—112.

Попытка восстания была, однако, подавлена в самом начале, при чем член военно-революционной организации с.-д., солдат Буробин, был убит, остальным организаторам попытки удалось скрыться [1]).

В феврале, марте и апреле мелкая буржуазия в лице интеллигенции стала организовываться в союзы врачей, учителей, статистиков и пр. и, таким образом, создала организованную силу в дополнение к тому студенческому движению, которое развернулось и усилилось после 9-го января. 8-го и 9-го мая 1905 года в Москве состоялся с'езд 14-ти всероссийских интеллигентских союзов, и образован был Союз Союзов с демократической платформой [2]).

Либеральная средняя, по преимуществу сельскохозяйственная, буржуазия и передовые слои крупной буржуазии — сельскохозяйственной, промышленной и банковой—выражали свое отношение к создавшемуся положению через посредство, главным образом, земств, земских с'ездов и депутаций. В январе многие земские собрания прервали свои сессии в виде протеста против события 9-го января и приняли ряд резолюций, признававших необходимость выборного представительства для участия в законодательной власти. В конце февраля состоялся в Москве с'езд земских деятелей, главным образом, левого их крыла, при чем принята была двухпалатная система и всеобщее избирательное право при выборах в нижнюю палату, и признана была необходимость аграрной реформы; однако, и размеры прирезок земли крестьянам и высота выкупа остались неопределенными. Это постановление было вызвано страхом перед начавшимся крестьянским движением. Тем же мотивом вызваны были и попытки некоторых земств привлечь крестьян в земские экономические советы: надеялись этим ослабить аграрное движение, но эти надежды, разумеется, не оправдались.

[1]) Мартов, Ист. росс. с.-д.

[2]) Общее движ. в России в нач. XX в., т. II, ч. 1, стр. 59—60 (статья Маевского).

Апрельский земский с'езд состоял из выборных земских представителей и поэтому полнее выражал настроения и течения либеральной средней буржуазии. Большинство этого с'езда — 71 человек, высказалось за однопалатную систему, основанную на всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве, для выработки конституции; меньшинство—37 человек—во главе с Петрункевичем — отвергло прямые выборы; но когда речь зашла о проекте конституции, который следует проводить на собрании, созванном для ее выработки, и большинство и меньшинство об'единились на двухпалатной системе и на прямых и всеобщих выборах в нижнюю палату, тогда как верхняя должна быть организована по принципу, близкому к организации сената во французской республике, т.-е. на основе представительства, главным образом, органов местного самоуправления — земств и городов [1]).

В этих постановлениях весьма ярко и выпукло выступили на вид классовые интересы средней либеральной буржуазии, стремившейся, при помощи второй палаты взять под свою гегемонию и опеку все демократическое движение и демократическое представительство.

Поражение под Цусимой вызвало новый — третий в 1905 г.—с'езд земцев, еще более широкий по составу, в конце мая. Участие более умеренных земских элементов в этом с'езде еще более принизило и сузило земские требования: необходимость выборного народного представительства была признана всеми, но по вопросу об избирательной системе ограничились неопределенной формулой участия в выборах всех подданных. С'езд выделил из своего состава депутацию из 12-ти человек, во главе с Родичевым, Петрункевичем и князем Сергеем Трубецким, для представления Николаю II. Депутация эта представилась Николаю II 6-го июня, при чем князь С. Трубецкой произнес речь, смысл которой был в том,

[1]) Там же, т. II, ч. 1, стр. 58 (статья Маевского), т. II, ч. 2, стр. 8—9.

что царь должен быть царем не дворян или крестьян, а царем всей Руси. Поднесен был адрес с изложением земских требований в формулировке майского с'езда.

В июле состоялся четвертый, в этом году, земский с'езд, где умеренные земцы, во главе с Шиповым и Гучковым, об'единились на совещательном народном представительстве, т.-е. на основном принципе реформы, намеченной рескриптом 18-го февраля, на имя Булыгина,—так называемой, булыгинской думы.

Наконец, сентябрьский общеземский с'езд 1905 г.— пятый в том году — выразил тенденции левого земского большинства, смягченные правой оппозицией: с'езд не признал себя удовлетворенным булыгинской думой, но „из чувства гражданского долга" постановил не бойкотировать ее, а участвовать в ней; аграрное движение заставило принять аграрную программу, весьма умеренную, конечно: проектировались — отмена выкупных платежей, расширение крестьянского землевладения насчет земель кабинетских, государственных и удельных и, „в случае надобности", частновладельческих с вознаграждением по „справедливой" оценке [1]).

Однако, большинство крупных и мелких землевладельцев выработало уже свою контр-революционную платформу, стало организовываться и проявлять себя на собраниях, с'ездах и в депутациях. Еще в начале 1905 г. большинство Московского дворянского собрания — две трети его — высказалось за отказ от реформы до победы в войне с Японией и внутреннего успокоения, меньшинство же его — одна треть всего состава — присоединилось к малоопределенной формуле, рекомендовавшей „призыв избранных от народа людей для участия в государственной работе". Рескрипт на имя Булыгина о совещательном представительстве встретил полное сочувствие и поддержку в записке с'езда губернских предводителей дворянства в Москве в марте 1905 года. Весной 1905 года

[1]) Там же, т. II, ч. 2, стр. 3—4, 7—10, 12—15 (статья Веселовского).

образовалось ядро настоящей черносотенной организации— „союза русского народа", во главе с гр. Шереметевым, Олсуфьевым, князем П. Н. Трубецким, кн. Голицыным, кн. Урусовым, Шараповым и др., а в Петербурге появился союз дворян-реакционеров, возглавлявшийся Головиным, Струковым, Нарышкиным и гр. Гудовичем. 21-го июня в защиту самодержавия организована была депутация к императору во главе с графом Бобринским и Нарышкиным, и Николай II заявил ей: „самодержавие мое будет таким, каким оно было встарь" [1]).

Оформление политических партий буржуазии только началось в изучаемое нами время, но далеко не было закончено. Черносотенный „союз русского народа" только начинал слагаться, как было только что указано; в периоде зачаточного образования находились и будущие мирнообновленцы - шиповцы и октябристы - гучковцы. То же самое приходится повторить и о либеральной конституционной партии. Ее два зародыша — Союз земцев-конституционалистов и более левый—Союз освобождения, державшийся, однако, правее союза союзов,—не солидаризировались с выступлением князя С. Трубецкого в составе июньской земской депутации. В июле с'езд земцев-конституционалистов выбрал комиссию 20-ти для выработки программы и организации конституционно - демократической партии. В конце августа Союз освобождения выбрал соответствующую комиссию из сорока лиц. Обе комиссии слились и образовали временный комитет партии [2]).

Незаконченной до конца 1905 г. оставалась и организация партии социалистов-революционеров.

Наконец, чрезвычайно важные и знаменательные в тактическом и организационном отношениях перемены происходили в расколовшейся после второго с'езда на две обособившиеся фракции социал-демократии. Чтобы понять последующую историю революции, необходимо теперь внимательнее остановиться на этих переменах.

---

[1]) Там же, т. II, ч. 2, стр. 5, 6, 11, 14 (статья Веселовского).
[2]) Там же, т. III, стр. 8 и 9 (статья Мартынова).

После перехода Плеханова на сторону меньшевиков, большевики оказались в безнадежном меньшинстве во всех центральных учреждениях партии, — и в редакции центрального органа „Искры", и в центральном комитете, и, наконец, в совете партии. Между тем, в партийных организациях в России они, несомненно, преобладали. При таких условиях им оставалось одно — добиваться созыва третьего партийного с'езда для устранения организационной несообразности, установления организационной и тактической линий и обеспечения единства партии. Это они и сделали.

Невозможно было действовать в этом направлении через Ц. К.: он был против с'езда, потому что против с'езда были меньшевики, не без основания опасавшиеся новой победы большевиков на с'езде и нисколько не желавшие, разумеется, рисковать своим господствующим положением в центральных учреждениях партии. Положение в Ц. К. даже ухудшилось для большевиков: Ц. К. изменился в составе, „твердые" большевики - члены Ц. К. были арестованы, а большевики - примиренцы пошли на соглашение с меньшевиками, кооптировали в Ц. К. нескольких меньшевиков, за что получили в распоряжение Ц. К. меньшевистские технические средства по транспорту заграничной литературы [1]). Ленин и подавляющее большинство большевиков не встали, однако, и не могли встать на этот путь примиренческой политики, не суливший удачи их тактической линии; они вышли на другую дорогу, — организации с'езда путем агитации в низах партии.

Летом 1904 года появилась декларация 22-х большевиков во главе с Лениным или, как она потом называлась, декларация литературной группы Ленина. В эту группу входили Ленин, Крупская, Богданов-Малиновский, Луначарский, Александров - Ольминский, Лепешинский, Лядов - Мандельштам, Десницкий - Строев, Эссен - Зверь, Орловский-Воровский, Землячка-Залкинд, Бонч-Бруевич,

---

[1]) Батурин, Очерк истор. с.-д. в России, стр. 105.

Величкина, Павлович-Красиков, Гусев и др., но не входили примиренцы — члены Ц. К. Никитин-Красин, Носков, Любимов, Вадим-Постоловский, Кржижановский, Иннокентий-Дубровинский, Карпов [1]). Декларация группы Ленина призывала партию к созыву с'езда, базируясь на программных, тактических и организационных решениях второго с'езда и учитывая вновь создающееся в России революционное положение.

В ноябре 1904 года были организованы в России три конференции—Южная, Кавказская и Северная, представлявшие в общей сложности 13-ть партийных организаций [1]). Конференции эти выразили недоверие центральным учреждениям и несогласие с их тактикой участия рабочих в земской оппозиционной кампании, присоединились к принципам группы Ленина, высказались за скорейший созыв с'езда и за обращение по этому вопросу с решительным приглашением к Ц. К. и выбрали бюро комитетов большинства, которому поручено было, в случае отрицательного ответа Ц. К. на требование о созыве с'езда, об'явить себя организационным комитетом и созвать с'езд, а также „идейно и практически об'единить партию вокруг идейной позиции большинства" [3]).

В бюро комитетов большинства вошли Зверь, Богданов, Лядов, Землячка и Румянцев, которые должны были работать в России, а в заграничный центр — редакцию газеты „Вперед", которая стала выходить, как орган бюро, с января 1905 года, вступили Ленин, Луначарский, Ольминский и Орловский [4]).

9-го декабря 1904 г. петербургский комитет партии потребовал от Ц. К. категорического ответа, согласен ли он созвать с'езд; возьмет ли на себя это дело. Ц. К. обещал ответить через месяц, и в этот срок ответа не

---

[1]) Лядов, III с'езд Р. С.-Д. Р. П. „Пролет. Револ." за 1922 г., № 5, стр. 62—63.

[2]) Там же, стр. 62.

[3]) Документы и материалы к III с'езду Р. С.-Д. Р. П. „Пролет. Революция" за 1922 г., № 3, стр. 125—127.

[4]) Лядов, III с'езд. „Пролетарск. Революц." за 1922 г., № 3, стр. 62.

последовало. Тогда члены бюро комитетов большинства начали об'езд местных организаций с целью агитации за с'езд. Оказалось, что из 28 комитетов, имевших права участия на с'езде с решающим голосом, — 21 в марте 1905 г. высказался за с'езд [1]). Это и понятно: 9-е января ясно показало, что без прочной и сплоченной организации и без точно выработанной тактической позиции обойтись нельзя: революция стала фактом.

Наконец, 4-го марта и примиренческий Ц. К. признал, что большинство партийных организаций стоят за созыв с'езда, что с'езд необходим. Поэтому Ц. К. вошел в сношения с Б. К. Б. и составил с ним вместе организационный комитет по созыву с'езда. Это решение Ц. К. вызвано было в значительной мере тем, что совет партии, имевший формальное право на созыв с'езда, категорически высказался против этого созыва; Плеханов, Мартов, Аксельрод и Носков, входившие в состав совета вместе с Лениным, исключили последнего и заменили его Дейчем [2]).

Третий с'езд партии состоялся в апреле 1905 года, но при особых условиях.

Захват меньшевиками центральных организаций при содействии Плеханова и кампания за с'езд и против с'езда до чрезвычайности обострили фракционную полемику: меньшевики упрекали Ленина в централизме, нарушении принципа демократии, якобинизме, бонапартизме, бланкизме, радикально-интеллигентской революционности; Ольминский-Александров в ряде брошюр, изданных под псевдонимом „Галерка“, доказывал, что бонапартистами, захватчиками власти, противниками демократизма, интеллигентскими анархистами являлись именно Плеханов, Аксельрод, Мартов и их единомышленники [3]).

К этому присоединились и тактические разногласия: то были пресловутый план „Искры“ об участии про-

---

[1]) Там же, стр. 64 и 65.
[2]) Там же, стр. 64 и 65.
[3]) Ср. Лепешинский в „Пролетарск. Революц.“ за 1922 г., № 5, стр. 48.

летариата в земской кампании и критика его Лениным. Это начало привело к естественному своему продолжению. „Искра“ выступила с своей особой точкой зрения по вопросам о временном правительстве и о вооруженном восстании.

В статьях Мартова, Плеханова и Мартынова в №№ 93 и 96 „Искры“ меньшевики определенно высказались против участия социал-демократии, как партии пролетариата, во временном правительстве по следующим соображениям: революция предстоит буржуазная; буржуазия уже выступила против самодержавия; революция упрочит ее классовое господство; поэтому, пролетариат не должен играть в ней руководящую роль; против такой попытки говорит и исторический опыт: во Франции два раза — в 1848 г. и в 1871 г. — пролетариат пытался такую руководящую роль сыграть и оба раза потерпел поражение. Задача заключается, по формулировке Плеханова в № 87 „Искры“, в том, чтобы изолировать реакцию путем поддержки буржуазного оппозиционного и революционного движения.

В связи с этими взглядами на революцию и роль в ней пролетариата и социал-демократии определилось в меньшевистской литературе и отношение к вооруженному восстанию. С точки зрения меньшевиков основная задача пролетариата и его партии в революции состояла не в подготовке решительного боя со старым режимом, вооруженного восстания, а в создании в народе, „жгучей потребности напасть на самодержавие и вооружиться для этого“, надо „развязать“ стихию народного возмущения путем открытой агитации в массах. От непосредственного руководства массами партия должна отказаться, а должна стремиться лишь к политическому влиянию на массы, к политическому руководству ими. Поэтому надо способствовать частичным массовым экономическим движениям, возникавшим после 9 января и принимавшим естественно политическую окраску: меньшевики полагали, что таким образом можно будет захватным путем получить не только некоторую свободу собраний, рабочее пред-

ставительство на фабриках и т. д., но и „революционное самоуправление“ [1]).

Большевистская литература, особенно с тех пор, как стал выходить „Вперед“, ответила самой резкой критикой меньшевистской тактической линии, как „хвостистской“ в отношении к крупной и средней буржуазии, т.-е. такой, при которой пролетариат и социал-демократия обречены тащиться в хвосте этой буржуазии. Вместе с тем формулировались собственные взгляды, противоположные меньшевистским. Массовые демонстрации с целью организовать наиболее отсталые слои рабочего класса и крестьянства, прямой натиск на самодержавие во главе народного восстания, борьба за республику и революционное осуществление программы-минимум, техническая подготовка воспитания и баррикадной борьбы—вот темы, которым „Вперед“ уделял особое внимание. С точки зрения Ленина и его единомышленников огромная роль мелкой буржуазии, буржуазной демократии в революции обеспечивала последней буржуазный, непролетарский, несоциалистический характер. Но буржуазная революция может быть доведена до конца, сделана последовательно-демократической, без соглашений и уступок старому строю, к которым склонна крупная буржуазия, лишь в том случае, если мелкая буржуазия выйдет из подчинения буржуазии крупной и подчинится гегемонии пролетариата. Целью революции является поэтому диктатура пролетариата и крестьянства, единственно способная довести до конца демократический переворот, чрезвычайно выгодный, необходимый для пролетариата в его борьбе за социализм и полностью удовлетворяющий интересы буржуазной демократии. Имея в виду подготовку вооруженного восстания, большевики настаивали на необходимости разработки ряда технических вопросов, с ним связанных, и на усиленной пропаганде и агитации в рядах армии, а также требовали пересмотра аграр-

---

[1]) Ср. Батурин, Оч. ист. с.-д. в Рос., стр. 112; Мартов, Ист. росс. с.-д-ии, стр. 99—102.

ной программы социал-демократии с целями более успешной организации крестьянских масс [1]).

Меньшевики тем менее могли рассчитывать на большинство на третьем с'езде, что как раз в 1904 и в начале 1905 года в их собственной среде наметилось и обнаружилось на деле важное идейное расхождение, произошел откол от них Парвуса и Троцкого. Расхождение это началось с того времени, как „Искра" выступила с своим планом участия рабочих в земской оппозиционной кампании: тот „хвостизм", в котором по этому поводу обвинял меньшевиков Ленин,—фактическое подчинение пролетариата гегемонии буржуазии,—был неприемлем и для Парвуса и для Троцкого. После 9 января Парвус и Троцкий указали, что меньшевистская тактика „развязывания" стихийно-революционного движения масс оставляет это движение без руководства и организации, без организационного об'единения, что и крестьянство и городская буржуазная демократия аморфны и лишены демократической последовательности, и что единственной общественной силой, способной дать единую организацию революционной стихии, является в России пролетариат, который поэтому и должен взять на себя руководство движением, а его партия должна организовать диктуемое после 9 января, как необходимость, восстание. Таким образом и в критической и в положительной тактически-организационной своей части позиция Парвуса и Троцкого близко подходила к линии Ленина, однако, с одним весьма существенным отличием: Ленин был убежден в 1904 и 1905 годах, что преобладание в России мелкобуржуазной стихии и отсутствие в Европе подходящей для немедленного социалистического переворота обстановки исключают возможность в России социалистической революции, и потому выдвигал, как цель революционно-демократическую, а не социалистическую, диктатуру пролетариата и крестьянства, а Троцкий и Парвус

[1]) Ср. Лепешинский в „Пролет. Рев." за 1922 г., № 5, стр. 52—55; Мартов, Ист. росс. с.-д-ии, стр. 104—106.

утверждали, что при руководстве пролетариата победоносной революцией власть фактически перейдет в руки рабочего класса, и пролетарская власть не сможет не стать социалистической. Поэтому и в то время и в особенности позднее Троцкий старался доказать, что Россия уже готова к социалистической революции [1]).

Такова была идейная обстановка в российской социал-демократии, когда в апреле 1905 г. организационный комитет, составленный Ц. К. и Б. К. Б., стал направлять выбранных местными комитетами делегатов на с'езд в Лондон. Большинство туда и приехало. Но меньшинство последовало указаниям меньшевистского центра—„Искры" и отправилось не в Лондон, а в Женеву. В мае 1905 г., когда и лондонское и женевское собрания были открыты, меньшевистские делегаты из Женевы обратились к большевистским в Лондон с предложением слиться, но образовать не с'езд, а общепартийную конференцию, решения которой не были бы формально-обязательными для партийных центров. Большевики, разумеется, отвергли это предложение, и окончательный раскол стал и формально несомненным: в Лондоне стал заседать третий с'езд, в Женеве меньшевистская конференция.

На третьем с'езде решающих голосов было окончательно признано 46. Богданов и Красин сделали на с'езде доклад от имени организационного комитета, доказывавший, что с'езд является правомочным представителем партии. Затем с'езд перешел к обсуждению основных тактических вопросов о вооруженном восстании и временном правительстве. Докладчик о вооруженном восстании—Луначарский—критиковал основное тактическое положение меньшевиков о развязывании революционной стихии и доказывал необходимость единой организации революции. Второй докладчик по тому же вопросу Богданов остановился на технической подготовке восстания—на

---

[1]) Ср. Мартов, Ист. Рос. с.-д-ии, стр. 102—104; Троцкий, 1905 год, стр. 51, 56.

вопросах о захвате оружия, об организации боевых дружин, о работе в армии и пр. С'езд признал, что „задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент," и дал директиву партийным организациям политически и технически подготовлять восстание, связывая его с массовыми политическими стачками, как его началом, вооружая пролетариат, руководя восстанием и создавая для этого особые партийные группы.

Вторым главным вопросом, дебатировавшимся на с'езде и получившим на нем определенный ответ, был вопрос о временном правительстве. Докладчиками по этому вопросу выступили Ленин и Красин.

Ленин указывал на две возможности в результате революции: первая заключается в том, что самодержавие не будет окончательно свергнуто и будет заменено лишь конституционной монархией; тогда ни о каком временном правительстве и ни о какой демократической диктатуре речи быть не может; вторая возможность—действительное свержение самодержавия и замена его временным правительством. Временное правительство может опираться только на революционный народ, т.-е. пролетариат и крестьянство. Но после свержения самодержавия борьба не прекратится, а, напротив, усилится, обострится, потому что только тогда надлежащим образом организуются реакционные силы. Их нужно будет победить, отстоять завоевание революции, и это должно быть первой задачей временного правительства. Значит, временное правительство в первую очередь должно явиться организацией войны, т.-е. диктатурой, а так как оно опирается на пролетариат и крестьянство, то и диктатура должна быть диктатурой пролетариата и крестьянства. Бояться участия в ней, зарекаться от такого участия нет никаких оснований. И Маркс и Энгельс, вопреки „Искре" и Бакунину, полагали, что пролетариат обязан давить на революцию не только снизу, с улицы, но и сверху, из

временного правительства; отказ от участия во временном правительстве они считали бакунизмом, анархизмом. Якобинизм и террор, связанные с диктатурой пролетариата и крестьянства и с участием во временном правительстве, для с.-д. не страшны: Маркс указал, что террор—плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией, и большевики предпочитают разделываться с самодержавием плебейскими, якобинскими способами, предоставляя меньшевикам способы жирондистские. В революционный момент боязнь участия во временном правительстве, „мартыновщина не только глупость, но и преступление, ибо она подрывает размах революционной энергии пролетариата, подрывает его революционный энтузиазм".

Красин в своем докладе, с одной стороны, конкретизировал задачи временного правительства,—указал, что его дело закрепление приобретений революции, вооружение народа и осуществление основных требований программы-минимум, напр., восьмичасового рабочего дня, с другой, отметил, что если буржуазия начнет через временное правительство, пользуясь истощением сил пролетариата, отнимать у него завоевания революции, то представители социал-демократии во временном правительстве должны будут уйти из временного правительства, чтобы не обагрить своих рук кровью пролетариата.

Резолюция с'езда установила, что временное правительство должно осуществить программу-минимум, что в зависимости от конкретных условий допустимо участие во временном правительстве уполномоченных с.-д. партии под строгим контролем партии, и что во всяком случае вооруженный и руководимый социал-демократией пролетариат должен давить на временное правительство в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции [1]).

---

[1]) Докум. и матер. к III с'езду: „Прол. Рев." за 1922 г., № 3, стр. 139—163; Л я д о в, Третий с'езд: „Прол. Рев.", за 1922 г., № 3, стр. 67—74.

Смысл этой резолюции был ясен: как впоследствии раз'яснил Ленин, необходимо было, чтобы временное правительство проводило положительную программу, потому что отказаться от этого, от осуществления им программы-минимум, значило бы „терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия"; нужны были вообще наступательные действия и во временном правительстве (сверху) и давление на него (снизу) [1]).

Вопросы о вооруженном восстании и временном правительстве были основными в порядке дня с'езда, как этого и естественно было ожидать на основании пред-с'ездовской литературной дискуссии. Не останавливаясь поэтому на других, второстепенных вопросах, обсуждавшихся и решенных на с'езде, посмотрим, как эти два кардинальных вопроса ставились и решались на меньшевистской конференции в Женеве.

Конференция признала, что задача времени—подготовка вооруженного восстания, но отвергла возможность планомерного восстания; исходя из того, что благоприятные для восстания условия создаются правительственной дезорганизацией, с.-д. агитацией и организацией, конференция перенесла центр тяжести с.-д. работы в данный момент именно на агитацию и организацию, отодвинув в будущее технически-боевые приготовления и полагая, что лишь в будущем эти приготовления „могут приобрести более или менее серьезное значение".

Нет никакого сомнения, что в этой резолюции получила яркое свое выражение основная тактическая позиция меньшевиков: пролетариат не вождь революции, а только ее пособник, подталкивающая ее сила; надо „развязывать" стихийное движение, а не организовывать его планомерно; поэтому и в революционный момент остаются единственно целесообразными обычные всегда, и в мирное время, приемы с.-д. борьбы — агитация и организация. Сильный скептицизм по отношению к вос-

---

[1]) Вл. Ильин (Ленин), Две тактики в социал-демократии в демократической революции: „За 12 лет", Петр., 1919, стр. 419, 421.

станию и его технической подготовке проникает собою всю резолюцию.

Не менее характерной была резолюция конференции о временном правительстве: „решительная победа над самодержавием", по мнению конференции, „может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного вооруженного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным давлением народа организовать всенародное учредительное собрание; в обоих случаях наступает новая фаза революционной борьбы, об'ективная задача которой—окончательная ликвидация всего сословно-монархического строя в интересах буржуазии, почему и временное правительство должно не только двигать вперед развитие революции, но и бороться против факторов, угрожающих основам капиталистического строя; социал-демократия должна двигать революцию вперед и потому не входить во временное правительство, а оставаться партией крайней революционной оппозиции".

И здесь сказывается отказ от роли вождя, руководителя, организатора демократической революции. При всей видимой ортодоксальности этой резолюции, в ней видно и „пассивное зрительство, мертвенное резонерство", и об'ективное подчинение „демократическим лозунгам монархической буржуазии" [1]). Крупная буржуазия, борющаяся против самодержавия, представлялась меньшевикам более прогрессивной силой, чем городская буржуазная демократия и крестьянство, и по линии именно ее поддержки и шли меньшевики, тогда как большевики стремились взять под гегемонию пролетариата городскую и деревенскую демократию и с этою целью создать революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. В этих социальных тяготениях весь смысл двух тактик, определившихся в российской социал-демократии в мае 1905 года.

---

[1]) Там же, стр. 427, 431.

Остается отметить только еще организационные решения 3-го с'езда и конференции.

С'езд пересмотрел устав партии, при чем уничтожил совет, во главе организации поставил Ц. К., которому должна быть подчинена назначаемая им редакция центрального органа; таким органом была об'явлена вновь основанная газета „Пролетарий"; членом партии об'явлен был лишь тот, кто признает ее программу, вносит членские взносы и состоит в какой-либо партийной организации.

Конференция признала факт раскола партии на две особых организации, ликвидировала совет партии, признала „Искру" органом лишь части организаций и выбрала организационный комитет, поручив ему вступить в переговоры с большевиками о восстановлении единства партии. Плеханов увидел в этих организационных постановлениях конференции санкцию распада партии, вышел в знак протеста против этого из редакции „Искры" и с тех пор вплоть до середины 1906 года оставался вне фракций и их организаций [1]).

---

[1]) Мартов, История росс. с.-д-ии, стр. 107—109.

III.

ВЫСШИЙ ПОД'ЕМ РЕВОЛЮЦИИ.

Как ни велики были тупое упорство, косность и политическая близорукость правящих сфер,—все же и они должны были податься перед лицом быстро и бурно подымавшегося настроения народных масс, при происходившей под тем же влиянием массового под'ема мобилизации оппозиционных и революционных сил. Конечно, эта податливость была минимальной, не шла дальше тех советов, которые давал в переписке с Николаем II германский император Вильгельм II: „если уж надо уступить,—писал Вильгельм,—уступить приходится, но самое наименьшее".

В трех пунктах решено было сделать уступки: во-первых, заключить мир с Японией; во-вторых, осуществить проект булыгинской думы; в-третьих, дать автономию высшим учебным заведениям. Думали, что этого достаточно, чтобы ослабить, даже совершенно обессилить революцию, уничтожив частичными подачками единство революционных и оппозиционных сил.

Заключение мира поручено было Витте, которому и удалось при посредничестве президента Соединенных Штатов Рузвельта, после довольно непродолжительных переговоров с японским уполномоченным графом Комурой в Портсмуте, в Северной Америке, исполнить это поручение с минимальными для России жертвами: Япония окончательно овладела Кореей, получила южную половину Сахалина, заняла на тех же условиях, на каких

занимала Россия, Квантунскую область с Порт-Артуром и Дальним, который был переименован японцами в Дайрен. Контрибуции установлено не было.

Без сомнения, заключение мира было для русского старого режима большим шансом в борьбе с революцией: исчез один из самых главных конкретных поводов к недовольству и революционной агитации—чрезвычайно непопулярная война. Правда, возник очень острый и трудный вопрос о демобилизации манчжурской армии, которая революционизировалась особенно под влиянием позднейших событий в России. Но эта революционность не была глубокой,—она получила исход тогда, когда открыта была возможность скорейшего массового возвращения домой,—возможность, осуществленная отчасти самой армией путем захвата подвижного состава манчжурской и сибирской железных дорог, отчасти облегченная Витте, когда он стал председателем совета министров. Как бы то ни было, важнейшая угроза старому порядку со стороны войны и действовавшей в ней армии была уничтожена.

Сложнее оказалось дело с внутренней политикой, где расчеты правящих кругов совершенно не оправдались.

Утверждению проекта булыгинской думы предшествовало петергофское совещание в июле 1905 г., достаточно характерное для правящих сфер, чтобы на нем остановиться ненадолго. Совещание происходило под личным председательством Николая II и состояло из нескольких великих князей, высших сановников, главным образом, правого реакционного направления и некоторых особо приглашенных лиц, в числе которых был профессор Ключевский.

На первом же заседании Николай II поставил вопрос: находится ли проект комиссии Булыгина в „правильном сочетании" с основными законами, т.-е. самодержавием? Самая постановка вопроса характерна; она показывает, что по существу не желали никаких уступок, имели в виду только положить некоторую косметику, подбелить и подрумянить старое лицо самодержавия. Заядлые чистокровные реакционеры вслед за Стишинским

направили свои возражения на 42-ую статью булыгинского проекта, устанавливавшую, что если большинство государственной думы и государственного совета выскажется против законопроекта, внесенного каким-либо министром, то законопроект возвращается для пересмотра министру; они видели в этом участии думы и совета в законодательной власти ограничение самодержавия и предлагали исключить эту статью, внести постановление, что государю представляются мнения и большинства и меньшинства думы и совета, и он может, следовательно, утвердить и мнение меньшинства. Решило дело замечание всесильного Трепова: для самодержавия опасны учреждения вроде государственной думы, и именно поэтому надо избегать конфликтов правительства и верховной власти с думой; статья 42-я полезна, потому что уменьшает количество таких конфликтов. Ст. 42-я была сохранена, только постановлено было внести в проект упоминание о самодержавии, что в одном из следующих заседаний и было осуществлено.

Затем консервативным, но нереакционным членам совещания с поддержской Ключевского удалось убедить Николая II, чтобы, вопреки настояниям реакционеров, дума не была лишена инициативы в установлении новых налогов. Консерваторам и Ключевскому удалось также защитить против реакционеров лицемерное прикрытие сословного представительства в думе против открытой сословности.

Чрезвычайно характерно, наконец, что в совещании, как и в булыгинской комиссии, и не только среди консерваторов, но и среди реакционеров, господствовало убеждение в консерватизме крестьянства, крестьянству дано было значительное количество выборщиков—42% всего их числа, обеспечен 1 крестьянский депутат на губернию, выбиравшийся притом одними лишь крестьянскими выборщиками [1]). Эта ставка на крестьянство была одной

[1]) Секретные протоколы петергофского совещания: „Голос Минувшего", за 1917 г., № 4, стр. 127—143; 161—166, 185—217; 231—235.

из главных иллюзий старого режима, может быть более всего указывающих на его крайнюю политическую близорукость: совершенно невозможно было рассчитывать на консерватизм малоземельной и обнищавшей крестьянской массы, не имевшей ничего общего ни с прусским крепким крестьянством, ни даже с крестьянством французским, получившим все же полное уничтожение и крепостного права и крепостного хозяйства и больше земли во время великой революции, чем наше крестьянство в 1861 году.

Избирательная система булыгинской думы была построена на системе курий или, как их пренебрежительно называл впоследствии Ленин в своих брошюрах,—„стойл". При этом почти в каждой курии или стойле выборы были не прямые.

При выборах по губерниям и областям установлены были три курии избирателей: 1) уездных землевладельцев, 2) городских избирателей, 3) уполномоченных от волостей и станиц.

Среди уездных землевладельцев преобладание принадлежало крупным и средним над мелкими, при чем в основу представительства было положено обладание в каждом уезде известным количеством земли, обложенной земскими повинностями: крупные и средние землевладельцы и обладатели недвижимости ценою не менее 15 тыс. руб. были избирателями поголовно, а мелкие землевладельцы, собственники недвижимости ценою не ниже $1^1/_2$ тыс. руб. и духовенство, владевшее церковной землей,—были избирателями через уполномоченных, ими выбранных по одному на 10 человек. Уже из этого видно, что избирательное право мелкого землевладельца было в 10 раз меньше избирательного права землевладельца крупного и среднего.

Избиратели—крупные и средние землевладельцы и уполномоченные землевладельцев мелких выбирали губернских выборщиков, которые естественно являлись ставленниками крупных и средних землевладельцев, преобладавших над мелкими при выборе выборщиков.

Выборщики от уездных землевладельцев вместе с городскими и волостными выборщиками выбирали членов думы. Таким образом для крупных и средних землевладельцев выборы в думу были двухстепенными (избиратели выбирали выборщиков, а выборщики участвовали в выборе членов думы), а для мелких они являлись трехстепенными (мелкие землевладельцы выбирали уполномоченных, уполномоченные участвовали в выборе выборщиков, а выборщики участвовали в избрании членов думы). Многостепенность, непрямые выборы — средство давно испытанное, особенно ярко обнаружившее свое значение в конституции обеих французских империй, формально признававшей всеобщее избирательное право: когда избиратели просеиваются через несколько сит, то в результате получается резко-антидемократический, крупнобуржуазный состав представительного собрания. И чем больше степеней, тем ярче в указанном сейчас смысле получаются результаты.

Несомненно, крупное и среднее землевладение рассматривалось составителями „Учреждения Государственной Думы" как один из надежнейших устоев и оплотов существовавшего порядка: недаром ему было дано 34% всех губернских выборщиков.

Несколько менее антидемократичным был состав курии городских избирателей: тут были домовладельцы, владевшие недвижимостью ценностью не ниже $1^1/_2$ тыс. рублей, крупные торговцы и фабриканты, зажиточные квартиронаниматели и приказчики первого разряда. Однако, и здесь крупная и средняя торговля, промышленная и домовладельческая буржуазия подавляла небольшое количество буржуазии мелкой, сюда допущенное. При всем том составители „Учреждения" не очень полагались на городскую курию и дали ей только 23% общего числа губернских выборщиков. И здесь была сохранена двухстепенность выборов: избиратели выбирали выборщиков, участвовавших в выборе членов думы наряду с выборщиками от других курий.

За то, полагаясь отчасти на крупных и средних землевладельцев, главную часть своих надежд составители „Учреждения“ возлагали на крестьян и казаков—курию волостных и станичных избирателей. Этой курии дано было 43% выборщиков и сверх того выборщикам крестьянским особо и казачьим особо дано было право самостоятельного, без участия выборщиков других курий, избрания по одному члену думы от каждой губернии из крестьян и по одному из казаков (где они были). Впрочем, спекулируя на собственнические и консервативные инстинкты крестьянства, существовавшие на деле лишь в слабых зародышах, потому что и в Положении 19 февраля и после него все делалось для того, чтобы лишить крестьянство возможности развить эти инстинкты,—наши реакционеры и консерваторы, составившие „Учреждение Государственной Думы“, сделали все от них зависящее, чтобы и в волостной и станичной курии просеять через ряд сит избирателей, установить такую многостепенность выборов, которая гарантировала бы появление в думе только зажиточных крестьян и казаков. В этой курии многостепенность доведена была даже до такой высоты, как нигде: крестьяне на волостных сходах и казаки на станичных выбирали выборных, эти выборные из своей среды избирали уездных уполномоченных, уездные уполномоченные губернских выборщиков, а выборщики избирали по одному члену думы от крестьян и казаков и участвовали вместе с выборщиками других курий в выборе остальных членов думы. Таким образом выборы в крестьянской и казачьей курии были четырехстепенными.

26 более крупных городов во главе с Петербургом и Москвой получили особое от губерний представительство, основанное, однако, на том же цензе, на каком строились выборы в городской курии, и на двухстепенных выборах. И здесь, как и везде, крупный капитал держал в своих руках результаты выборов, и количество избирателей было весьма ограничено: в Петербурге, напр., $9^1/_2$ тысяч, в Москве 11 тысяч человек.

Такой результат тем более понятен, что был установлен высокий возрастный ценз: избирателями и избранными по всем куриям могли быть только лица мужского пола, достигшие 25-летнего возраста.

Совещательный характер булыгинской думы венчал все дело. Для всякого было ясно, что в „Учреждении Государственной Думы“ нет и тени конституции, ограничения самодержавия, что это „Учреждение“—только маска, прикрывающая абсолютизм и старый порядок.

Пролетариат и городская буржуазная демократия совершенно лишены были избирательных прав: городская демократия — молчаливо, а пролетариат с лицемерной оговоркой, что рабочие, не порвавшие с землей, могут участвовать в выборах по крестьянской, волостной курии, что, конечно, и для них было фактически невозможно [1]).

„Учреждение Государственной Думы“ или, как его обыкновенно называли, проект булыгинской думы, послужило пробным камнем, показавшим, как разные партии и стоявшие за ними социальные группы определяли свою тактическую линию. О правых группах здесь, конечно, нечего говорить: они считали сделанное максимумом возможных уступок и готовы были настаивать на том, чтобы и то было при первом же удобном случае взято назад. Но либеральная буржуазия всех оттенков ухватилась за булыгинскую думу, как за чрезвычайно ценное приобретение: земский с'езд в сентябре 1905 года высказался за участие в выборах. За то же стоял и 4-й с'езд Союза Освобождения,—левая либерализма, при чем устами Милюкова здесь выражена была и та принципиальная позиция, на которой стоял тогда либерализм в его левых уклонах: „мы“, говорил Милюков, „идем в думу с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство“, должны „стремиться к со-

---

[1]) Мемория совета министров по делу о порядке осуществления высочайших предуказаний, возвещенных в рескрипте 18 февраля 1905 г., стр. 43.

зыву учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования" [1]). Органическая работа, стало быть, отвергалась, по крайней мере, принципиально.

Более демократический Союз Союзов высказался уже прямо за бойкот булыгинской думы. Тактику бойкота и притом активного, с агитацией в пользу восстания даже в избирательных собраниях, неуклонно отстаивали и большевики. Той же позиции держался Бунд, в районе действий которого „были случаи разгона предвыборных собраний оппозиционных избирателей рабочими" [2]).

Среди меньшевиков были отдельные лица, державшиеся также бойкотской линии [3]), но фракция в целом стояла на другой точке зрения, согласной с ее общей позицией развития „революционного самоуправления". Как конкретно провести эту точку зрения,—по этому вопросу среди меньшевиков были разные мнения.

Парвус предлагал участие социал-демократии в выборах, основанное на соглашениях с законными цензовыми избирателями о проведении определенных социалистических кандидатур. Это было отвергнуто меньшевиками в их большинстве, но практически близкую к этому плану позицию занимали меньшевики на Кавказе: пользуясь большим, можно сказать господствовавшим тогда влиянием на крестьянство и городскую демократию, они вполне надеялись провести на выборах с.-д. кандидатов и готовы были использовать и булыгинскую думу как агитационное средство для развития революции, несмотря даже на то, что в зал заседаний думы публика не должна была допускаться, и от правительства зависело не допускать даже и появления в печати отчетов о думских заседаниях,— стоило только об'явить их закрытыми [4]).

---

[1]) Обществ. движ., II, 1, стр. 72 (статья Маевского), Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, I, стр. 230.

[2]) „Пролетарий" № 14, Лепешинский—в „Прол. Рев." за 1922 г., № 5, стр. 63; Мартов, Ист. р. с.-д., стр. 113—114.

[3]) Сверчков, На заре революции, стр. 79.

[4]) Мартов, Ист. росс. с.-д-ии, стр. 114, 115 (примеч.).

План сделать коллегии уполномоченных и выборщиков и думу центрами народного движения отстаивали каждый по-своему Череванин, Мартов и Аксельрод. Череванин предлагал брать с кандидатов „революционное обязательство итти в гос. думу с тем, чтобы добиваться превращения ее в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее учредительное собрание". Мартов выставлял план „давления на выборщиков в том смысле, чтобы в думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства". Всего шире были предложения Аксельрода: он предлагал выборы и широкую агитацию среди избирателей, уполномоченных и выборщиков, при чем в случае успеха этой агитации предвидел возможность, с одной стороны, самочинного созыва собрания, избранного самим народом в противовес олигархической думе, с другой—организации всероссийского рабочего с'езда и основания открытой массовой рабочей партии [1]).

Жизнь, несомненно, показала, что практичной и целесообразной по условиям времени была именно только тактика бойкота. Ближайшим поводом к обнаружению этого послужила как раз третья уступка старого режима—дарование автономии высшим учебным заведениям.

Эта мера вызвана была расчетом на разделение оппозиционных и революционных сил: автономию—выборность профессорских коллегий, ректоров и деканов и свободу студенческих организаций и собраний в стенах высших учебных заведений—решено было дать, чтобы потом, при благоприятных обстоятельствах, можно было ее взять обратно.

До известной степени расчет был правилен: либеральная буржуазия—и в том числе в первую очередь большинство профессуры—была вполне удовлетворена автономией и полагала, что высшие учебные заведения должны обратиться к нормальным занятиям и удовлетвориться

---

[1]) Там же, стр. 114 - 115. Лепешинский, в „Прол. Рев." за 1922 г., № 5, стр. 63.

своим самоуправлением, не вовлекаясь в политическую борьбу. Такая постановка вопроса была, несомненно, контр-революционной: высшая школа должна была явиться в своем роде мирным оазисом среди революционно-бушующей стихии. Утопичность этого была несомненна, и жизнь тотчас же показала, кто был в то время сильнее,— оппозиция, склонная к компромиссам, или революция, смело и прямо идущая вперед.

В нашей исторической литературе происхождение имевшей на деле успех революционной тактики использования университетской автономии для целей дальнейшего развития революции изображается следующим образом: студенты склонны были к продолжению своей забастовки, к бойкоту автономии с целью сохранять политическую солидарность с демократией; к тому же склонялись и революционные партии; но по инициативе Засулич и по плану Дана, развитому на страницах меньшевистской „Искры", решено было, пользуясь автономией, открыть залы и аудитории высших учебных заведений для свободных всенародных политических митингов; социалисты-революционеры продолжали поддерживать бойкот; „большевики после колебаний присоединились к новому лозунгу"; и он был принят и с большим успехом проведен в жизнь [1]).

Все, что в этом изображении касается большевиков, в особенности в Москве, не соответствует действительности. Сочувствовавшая большевикам часть студенчества не принадлежала к числу принципиальных бойкотистов; в студенческой массе преобладали не бойкотистские настроения, а контр-революционные, профессорские; большевики вовсе не колебались, а решительно и твердо с самого начала, вне всякого влияния „Искры" и даже, как было в Москве, не зная о ее плане, установили и провели тактику открытия высшей школы для всенародных политических митингов. Свидетельствую об этом, как очевидец, посланный московским комитетом и лите-

---

[1]) Мартов, Ист. рос. с.-д-ии, стр. 116—117.

ратурно-пропагандистской группой большевиков выступить с такой агитацией на собрании студентов Московского университета. Это собрание, горячее, возбужденное и очень многолюдное, было решающим: выступление за революционную тактику, мотивированное необходимостью бойкота булыгинской думы, дальнейшего развития революции и революционно-организующей роли и ответственности студенчества, вытекавшей из завоеванной автономии, имело большой успех, рассеяло в студенческой среде мирно-академические, профессорские симпатии и настроения тем более, что убедителен был для массы и аргумент, указывавший, что автономия в случае поражения революции очень скоро будет сведена на нет. И характерно, что только профессора, и в первую очередь выборный ректор Московского университета князь С. Н. Трубецкой, попытались протестовать против массовых митингов в высших учебных заведениях, правительство же уже не осмелилось положить им предел.

Массовая агитация в свободных огромных собраниях в стенах высшей школы принесла свои плоды: она помогла, содействовала своим влиянием тому революционному под'ему, которым отмечен октябрь 1905 года.

Центр тяжести октябрьских событий, поведших к дальнейшей уступке самодержавия, находился в Петербурге и Москве: именно то, что происходило в обеих столицах, заставило самодержавие снова податься назад. Поэтому в первую очередь сюда и должно быть направлено наше внимание. Однако, важно было и то, что столичное движение было поддержано всей Россией.

Основные факты, рисующие ход октябрьской всеобщей политической забастовки, сводятся к следующему:

19 сентября в Москве забастовала типография Сытина, выставив требования сокращения рабочего дня и повышения сдельной платы за типографскую работу. Главным поводом к забастовке служило то, что наборщики требовали оплаты и знаков препинания при наборе наравне с буквами, а хозяева в этом отказывали. Сытинские рабочие встретили поддержку других московских наборщи-

ков, и к вечеру 24 сентября в Москве бастовали уже 50 типографий. Параллельно этому в Москве возникла забастовка пекарей. 2 октября петербургские печатники об'явили и провели трехдневную забастовку сочувствия московским товарищам. Такова была первая струя стачек в обеих столицах, послужившая зародышем октябрьской всеобщей забастовки.

Вторым ее зародышем был разрешенный правительством и собравшийся 20 сентября в Петербурге с'езд союза железнодорожных служащих и рабочих. Правительство, разрешая этот с'езд, думало этим успокоить железнодорожников, отвлечь их от дела революции, следуя правилу: „разделяй и властвуй". Однако, оно ошиблось в расчете: раскалявшаяся постепенно общественная атмосфера и письма и телеграммы железнодорожных служащих и рабочих, получаемые делегатами с'езда и требовавшие от них политических действий, заставили с'езд от переговоров с правительством по экономическим вопросам,—об улучшении материального положения железнодорожников,—перейти к резолюциям политического характера: он потребовал и восьмичасового рабочего дня, и учредительного собрания, и полной и всеобщей амнистии. Тогда разнесся слух, что с'езд разогнан и делегаты арестованы. Несмотря на опровержения со стороны самих делегатов, этой искры было достаточно, чтобы зажечь революционно-стачечный пожар на всех железных дорогах. Шесть машинистов Московско-Казанской железной дороги, которые были членами революционных организаций, устроили забастовку машинистов. В то же время забастовали мастерские и депо, и 7-го, 8-го, 9-го и 10-го октября стачка охватила весь московский железнодорожный узел. 12 октября в Москве прекратили работу почта и телеграф, и скоро затем забастовка стала всеобщей: прекратили работу фабрики и заводы, закрылись магазины и лавки, погасло электричество.

Петербургский железнодорожный узел забастовал 12 октября, и это послужило сигналом к приостановке работ везде. 13-го в Петербурге забастовка сделалась

всеобщей. В тот же день здесь возник совет рабочих депутатов—по одному на каждые 500 человек. В первом заседании его в Технологическом институте составлено было воззвание о выборе депутатов от фабрик и заводов и решено посвятить весь день 14-го осуществлению этих выборов. Председателем совета был выбран Зборовский, но он заболел, и 14-го ему на смену выбран был помощник присяжного поверенного Носарь, выступивший под кличкой Хрусталев. Беспартийный, известный рабочим как адвокат—защитник интересов рабочих в делах о вознаграждении за увечья, популярный также по той причине, что содействовал рабочим в деле полного разрушения замысла черносотенца Дезобри, хотевшего после 9-го января учредить Общество активной борьбы с революцией и надеявшегося опереться на рабочую массу,—Хрусталев оказался наиболее удобным по обстоятельствам председателем. Только что начиная организовываться, петербургский совет рабочих депутатов решил обратиться к петербургской городской думе с шестью требованиями, из которых четыре были выработаны 14-го, а два остальных, по настояниям социал-демократов, были прибавлены 15-го. Требования эти были таковы: 1) немедленно снабдить продовольствием рабочих, 2) отвести помещения для собраний, 3) прекратить содержание на городской счет полиции и жандармов, 4) указать, куда израсходованы 15.000 руб., поступившие в думу для рабочих Нарвского района, 5) дать совету рабочих депутатов из городской кассы деньги для вооружения пролетариата и революционной части студенчества, 6) удалить войска из водопровода и передать водопровод в ведение рабочих, в противном случае водопровод будет остановлен. 16-го требования эти были пред'явлены думе депутацией совета во главе с представителем фракции большевиков Кнуньянцем-Радиным. Дума воспротивилась намерению администрации арестовать депутацию, но в требованиях, ею пред'явленных, от имени совета отказали. 17 октября вышел 1-й № „Известий Совета Рабочих Депутатов". В тот же день выбран был исполнительный комитет со-

вета, и постановлено, что до окончания забастовки, которое может последовать только по решению совета, рабочие могут не платить за квартиры и брать в долг товары из лавок.

Петербургское и московское движение было дружно поддержано всей Россией: забастовали всюду и железные дороги, и почта и телеграф, и фабрики и заводы, прекратилась торговля, везде забастовка стала всеобщей.

Вся жизнь капиталистического общества замерла. Стала грозить опасность массовых убытков и банкротств [1]).

В то время, как почти вся страна постепенно охватывалась этой грандиозной, небывалой, всеобщей политической забастовкой, в правительственных сферах царили тревога и растерянность. 9 октября Витте, возведенный в графы за заключение портсмутского договора, был вызван Николаем II и представил ему записку с изложением своего взгляда на создавшееся положение: он видел два пути для выхода из этого положения—или конституционные уступки или диктатуру; предпочтительным ему казался первый путь; но для окончательного решения вопроса он предлагал созвать особое совещание из государственных деятелей и членов царской семьи. 11-го и 12-го октября Николай II с близкими к нему лицами обсуждал программу графа Витте. 13-го Витте получил телеграмму царя, которою ему повелевалось впредь до утверждения закона о кабинете об'единить деятельность министров. 14-го Витте ответил на это, по приезде в Петергоф к царю, что нельзя об'единить людей, не имеющих одинаковых взглядов, и рекомендовал выбрать одно направление и решительно ему следовать. Отстаивая конституционные уступки, Витте высказывался вместе с тем против издания манифеста о них, за простое утверждение его доклада, мотивируя это тем, что, во-первых, в манифесте нельзя сказать обо всем так подробно, как это

[1]) Троцкий, 1905 год, стр. 88—98; Сверчков, На заре революции, стр. 93—106; Обществ. движение, III, 1., стр. 76—89 (статья Маевского).

нужно, и, во-вторых, доклад останется на ответственности его составителя и не свяжет так царя, как свяжет манифест. Дальнейший рост забастовки вызвал созыв у Витте совещания, в котором кроме него участвовали военный министр Редигер, Трепов и министр путей сообщения князь Хилков.

Редигер и Трепов, который еще 12-го, повидимому, думал только о диктатуре, как единственном исходе и издал тогда свой известный приказ по войскам „патронов не жалеть, холостых залпов не давать“, высказались в том смысле, что восстание в Петербурге может быть подавлено, но железнодорожное движение нельзя восстановить даже только до Петергофа, и армия, в которой главный контингент—запасные, не вполне надежна. Помощник начальника военно-походной канцелярии императора князь Орлов известил Витте, что 15-го назначено с его участием совещание в Петергофе, и что ему поручается заготовить проект манифеста, так как необходимо, „чтобы все исходило от государя“. Проект манифеста был составлен князем А. Д. Оболенским и исправлен Витте и Вуичем. 15-го в Петергофе состоялось совещание из Витте, Фредерикса, вел. князя Николая Николаевича и генерала Рихтера. Витте прочел свой доклад и проект манифеста и возражений не встретил. Дело, однако, и тогда еще не было решено. Доклад Витте и проект манифеста Николай II послал Трепову с просьбой высказать „откровенное мнение“ и дать „верноподданнический совет“, при чем просил Трепова сообщить, сколько времени Трепов предполагает возможным удержать в Петербурге порядок без пролития крови и считает ли он вообще возможным достичь водворения порядка без больших жертв. Трепов в ответной записке высказался за издание манифеста с обещанием конституции вроде прусской и заявил, что кровопролитие в Петербурге неизбежно. В то же время великий князь Николай Николаевич высказался, за недостатком войск, против диктатуры. 17 октября Витте был вызван в Петергоф, и в 6-м часу вечера Николай II подписал манифест и утвердил доклад Витте, которые,

по словам великого князя Николая Николаевича, „спасли династию“ [1]).

Что дал манифест 17 октября 1905 года?

Первая новость, которая проводила по крайней мере формально резкую грань между ним и булыгинской думой, заключалась в том, что государственная дума из законосовещательной стала законодательной: ни один закон не мог иметь силы без утверждения государственной думы и государственного совета.

Затем расширен был круг избирателей. Избирательные права получили городская буржуазная демократия (двухстепенные) и рабочие (трехстепенные). Курии и многостепенность, как и высокий возрастной ценз были сохранены; избирательный закон булыгинской думы получил лишь 11 декабря 1905 года некоторую надстройку,— вот и все. „Конституция“ в результате оказалась гораздо более худшая, чем даже прусская.

Понятно, что манифест 17 октября не удовлетворил революционной демократии и в первую очередь пролетариата. Петербургский совет рабочих депутатов в заседании 18 октября принял постановление, что необходима борьба за демократическую республику, а в качестве ближайших подготовительных к ней мер требовал устранения полиции, вывода из Петербурга всех войск, организации вооруженной милиции из пролетариата, амнистии, отмены исключительных положений и созыва учредительного собрания; во имя этих целей совет призывал к продолжению забастовки и по инициативе нескольких тысяч рабочих и студентов организовал грандиозную массовую демонстрацию в Петербурге под руководством Троцкого, Кнуньянца и Хрусталева [2]).

Между тем 18 октября в Москве забастовка прекратилась. 19-го петербургский совет об‘явил ее прекращенной и в Петербурге. В провинции всеобщая политическая забастовка была прекращена между 21 и 25 октября [1]).

Октябрьская политическая забастовка была, несомненно, высшей точкой, которой достигла революция в своем под‘еме,—не в том смысле, что формы революционной борьбы далее не развивались, а в том, что никогда позже успех не венчал так революционные усилия, как-то было в октябрьские дни. Теперь успех этот пытаются об‘яснить, главным образом, паникой правительства [2]). Никак нельзя согласиться с таким об‘яснением: причина его заключалась в полной изоляции правительства, оставшегося только с кучкой черносотенцев. Забастовке сочувствовали все: даже предприниматели, фабриканты и заводчики нередко оказывали ей содействие [3]); учредительный с‘езд конституционно-монархической партии выразил ей сочувствие; на нем был произнесен панегирик революционной энергии и героизму рабочего класса. В момент полного развития забастовки правительство не только испугалось, но было действительно бессильно.

---

[1]) Секретная переписка, опубликованная в „Былом“, № 14 за 1919 г.; граф Витте, Воспоминания, т. II, стр. 7—24.

[2]) Сверчков, На заре революции, стр. 108—111.

[1]) Там же, стр. 111; Обществ. движ., III, I, стр. 104 (статья Маевского).

[2]) Покровский, Рус. ист. в самом сжат. оч., III, I, стр. 172 и след.

[3]) Так, напр., известный московский заводчик Бромлей поощрял октябрьскую забастовку: „Путь к октябрю“, т. I, стр. 36.

IV.

ДНИ СВОБОДЫ И ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Октябрьский манифест вполне удовлетворил крупную промышленную и финансовую (банковую) буржуазию, которая во главе со своим лидером А. И. Гучковым образовала и свою партию—Союз 17 октября. Октябристы сразу после того перешли в лагерь контр-революции: для них с октябрьским манифестом революция была кончена; недаром они в записке московскому генерал-губернатору в самый разгар забастовки настаивали на законодательных функциях думы, но были против всеобщего избирательного права.

Несомненно, это было важным приобретением для самодержавия, которое, как мы видели, даже в формулировке Витте готовилось обратить манифест и Учреждение Государственной Думы в фикцию, в личину, лишь поверхностно прикрывающую сохранявшееся существо старого режима. Но крупная буржуазия—не массы, надо было инсценировать массовую опору самодержавия. Отсюда и вышли черносотенные демонстрации, погромы, убийства и, наконец, черносотенные организации.

Еще 16 октября с церковной кафедры начались в Москве призывы к погромам. Митинг в Московском университете, на который собрались $1^1/_2$ тыс. человек, был осажден на целые сутки, но пока избиения не произошло: собравшиеся после суточного сидения разошлись беспрепятственно и невредимые. Вечером 18-го октября

убит был черносотенцем социал-демократ-большевик Бауман, только что утром этого дня освобожденный из тюрьмы и ехавший на извозчике с красным флагом во главе демонстрации. В Петербурге одна из групп, возвращавшихся с грандиозной демонстрации 18-го октября, встретилась с черносотенной манифестацией торговцев Сенного рынка и хоругвеносцев церквей, и произошла стычка, после которой черносотенцы до ночи ходили по улицам и избивали интеллигенцию, особенно студентов. Но все же и в Москве и в Петербурге не удалось организовать черносотенные погромы: помешала рабочая самооборона, организованные рабочими и революционными партиями боевые вооруженные дружины. Но в ряде провинциальных городов погромы прокатились грязной и кровавой волной. Впоследствии, во время процесса петербургского совета рабочих депутатов, бывший директор департамента полиции Лопухин засвидетельствовал о полицейском происхождении погромов, а товарищ министра внутренних дел в министерстве Витте, князь Урусов, став после своей отставки членом к.-д. партии и будучи выбран членом государственной думы, публично с думской трибуны заявил, что чиновник департамента полиции Комиссаров говорил: „погром устроим, какой хотите: хотите—на 10 человек, хотите—на 10 тысяч". 17 октября произведен был погром интеллигенции в Твери, в помещении губернской земской управы. Потом такие же погромы произошли в Костроме, Владимире, Туле, Ярославле и других городах. В Казани 17 октября на публику, шедшую с митинга, напали казаки и подвергли ее избиению. В Томске сожжено было черносотенцами здание железнодорожного управления вместе с находившимися там 60-ю человеками, и затем разгромлены были еврейские магазины и жилища. Еврейские погромы произведены были в Феодосии, Саратове, Екатеринославе, Ростове на-Дону, Киеве, Симферополе, Кишиневе, Гомеле. В Одессе было убито более 500 евреев, и разграблено имущества и товаров на 3 миллиона 870 тыс. рублей. Погромы произошли в 110 городах и местечках, при чем убито было

до четырех тысяч человек, искалечено 10.000, а убытки от них оказались гораздо большими, чем убытки от крестьянского аграрного движения.

В дворянских и отчасти даже в земских собраниях 1905 года возобладали консервативные и реакционные тенденции: либералы потерпели поражение на выборах, раздавались настойчивые призывы к репрессиям, начались гонения на „третий элемент“; на полицейскую стражу ассигнованы были большие суммы. В большинстве земств октябризм окончательно восторжествовал [1]).

Широкая социальная база, на которой происходила революция, несомненно исчезла. За революцию продолжали стоять только пролетариат и буржуазная демократия в городах и крестьянство в деревнях. Поэтому последние месяцы 1905 года приковывают к себе наше внимание именно с той точки зрения, что сделали для революции в то время эти оставшиеся ей верными массовые общественные силы.

Центр тяжести революционной борьбы находился, конечно, в городах и особенно в столицах: именно здесь она была решающей. Но чтобы быть победоносной, борьба пролетариата и буржуазной демократии в столицах нуждалась в соответствующем революционном окружении,— в том, чтобы шло вперед и делало успехи революционное движение в деревне, во-первых, и в провинциальных городах, во-вторых. Вот почему сейчас в первую очередь надо бросить взгляд на крестьянское движение.

Нам уже известны его первые проявления и организационные зародыши до осени 1905 года. С осени оно получило дальнейшее развитие.

Какие слои крестьянства были руководителями движения?

Недавно высказано мнение, что в 1905 году, как и раньше, штабом, руководящим элементом крестьянского

[1]) Общ. движ., II, 1; стр. 86, 87, 94—103; II, 2. стр. 19—20: Троцкий, 1905 год, стр. 129—135; Сверчков, На заре революции, стр. 111. Покровский, Рус. ист. в самом сжат. оч., III, 2, стр. 169—172.

движения было зажиточное, богатое крестьянство, деревенская буржуазия [1]). Это мнение опирается на следующие аргументы и наблюдения: во-первых, на с'ездах Крестьянского союза—общих и губернских—отстаивалось вознаграждение помещиков за землю, которая у них должна была отбираться, и политические постановления отличались расплывчатостью, что отражало „политическую отсталость крестьянской массы и главным образом, ее буржуазных верхушек“ [2]); во-вторых, в Подольской губ., „где движение носило главным образом забастовочный характер, руководителями были более зажиточные (богатых нет) крестьяне, более боязливыми были безземельные, так как без ежедневного заработка они не могут существовать и вынуждены были прекратить забастовку во избежание голода. Были попытки поддержать бедняков сбором провизии с зажиточных семей, но этому помешали прибывшие войска“ [3]); в третьих, балашовский (Саратовской губ.) корреспондент Вольного Экономического Общества в начале 1908 года писал: „Верхний зажиточный слой крестьянства овладел аграрным движением. „Чумазый“, который так недавно хватал „сицилистов“ и представлял по начальству, теперь почти целиком записался в ряды революционеров“; „хозяйственные мужики, причисляющие себя обыкновенно к левым партиям“, говорили: „кущу и барину земля без надобности: сами земли не пашут и за хозяйством не доглядывают; а бедному мужику земля и совсем ни к чему: он и с наделом управиться не может; неурожаи от непропашки; нужен хороший скот, сбруя, семена, плуг; хороший ремонт, да денег в кармане на случай неурожая, а бедный мужик только царским пайком и дышит; безземельных и малоземельных наделять— это все барские затеи: надел изгадили и банковскую землю изгадят; банк землю должен хозяйственным мужикам определять, да не по 13 десятин на двор, а по 50,

[1]) Покровский, Рус. ист. в сам. сжат. оч., III, I, стр. 212 и след.
[2]) Шестаков, Бунт земли, стр. 51—54.
[3]) Маслов, Аграрный вопрос, II, стр. 162.

по 100" [1]); в-четвертых, наконец, и состав крестьянских депутатов и их действия в первой думе говорили за руководящую роль зажиточного крестьянства: из депутатов трудовой группы только 14 (30%) имели не более 2-х десятин, 15 имели более 4-х десятин, т.-е. были середняками, при чем двое из них имели более 10 дес., т.-е. были зажиточными, как, вероятно, и те 13, которые не указали размера своих наделов; из беспартийных депутатов от крестьян более 10-ти десятин имели 11 человек, т.-е. более 25%, и кроме того были еще 24 крестьянских депутата—кадета, размеры землевладения которых были еще выше [2]); и даже трудовая группа стояла не за конфискацию крупной земельной собственности, а за отчуждение с выкупом, т.-е. за соглашение с помещиками [3]).

Эта аргументация подлежит самой тщательной проверке.

Первый аргумент вовсе не говорит за руководящую роль деревенской буржуазии в аграрном движении. „Расплывчатые" политические постановления свидетельствуют о политической отсталости не одних верхов крестьянства, а всей его массы. И за вознаграждение помещикам за отобранную землю стояли многие крестьяне середняки и бедняки и в 1905—6 годах и даже в 1917. Могу сослаться в этом отношении на мои собственные наблюдения в крестьянстве Тамбовской губ. в 1917 г. во время выборов в учредительное собрание, а также и на то, что приходилось слышать от московских и петербургских рабочих, связанных с землей, в 1905 — 7 годах: стояли обычно за вознаграждение—и не по соображениям „справедливости" или благотворительности, жалости, а с точки зрения целесообразности: казалось, что выкупленная земля окажется более прочным достоянием крестьянства, чем конфискованная. Конечно, в этом видна буржуазная, собственническая природа не одного богатого, но и среднего и даже бедного крестьянства, но марксиста этим не удивишь.

[1]) Покровский, Рус. ист. в сам. сжат. оч., III, I, стр. 216—217.
[2]) Маслов, Аграрн. вопр. II, стр. 277.
[3]) Покровский, Рус. ист. в сам. сжат. оч., III, I, стр. 219.

Подольская забастовка говорит также не в пользу руководительства богатого крестьянства. Под более „зажиточными тут надо разуметь, очевидно, именно середняков— ту их часть, которая вследствие малоземелья и чересполосицы вынуждена была прирабатывать батрацким, а иногда и крепостническим трудом в барских имениях: недаром эти „более зажиточные" противополагаются в нашем источнике „безземельным", т.-е. полным батракам, настоящим сельскохозяйственным рабочим, пролетариату. Пролетарская забастовка может быть длительной только тогда, когда она опирается на забастовочный фонд. Прибавить надо, что и середняки здесь были, очевидно, такие, которые стояли на грани, отделявшей средний уровень от бедноты: иначе зачем бы они стали наниматься в батраки? И, конечно, настоящих богатых, зажиточных крестьян в числе бастующих батраков не было и быть не могло; не могло, следовательно, проявляться их руководящее влияние и в забастовочной форме деревенского движения. Руководителями, наиболее активным элементом движения здесь были именно середняки, стоявшие на грани бедности.

Третий аргумент совершенно не относится к делу: прежде всего он хронологически не совпадает с об'ясняемым движением, относится к 1908 году, когда уже торжествовала реакция, и, следовательно, факты здесь изложенные характеризуют настроение деревенской буржуазии уже после поражения революции, а не во время ее хода; а затем, неужели можно допустить, что деревенская буржуазия, выставлявшая лозунг покупки ею через банк помещичьей и средне- и мелко-крестьянской земли для основания буржуазного хозяйства, могла в эпоху революционного под'ема руководить массами крестьянства, опираясь на этот лозунг?

Наконец, о четвертом аргументе, поскольку он касается содержания аграрных требований крестьянских депутатов в думе, было уже сказано выше, при оценке первого аргумента, а что касается состава думских депутатов от крестьян, то замечательно при четырехстепенных выборах не то, что в думу попали в значительном числе зажиточ-

ные крестьяне, а то, что оказалось сравнительно так много середняков и даже малоземельных крестьян. Избирательная система государственной думы, результатом применения которой был состав крестьянских депутатов, вовсе не является доказательством руководящей роли богатого крестьянства в аграрном движении.

Очевидно, для того, чтобы понять, какие слои крестьянства руководили движением, нужно более внимательно присмотреться к конкретным проявлениям движения,— к его отдельным формам и видам и к их распределению по разным частям страны.

Начнем с формы наиболее близкой к пролетарскому движению,—с забастовок батраков—безземельных и имевших надел. Эта форма распространена была в Польше, Прибалтийском крае, на северо-западе и отчасти также на юго-западе России [1]). Поскольку речь здесь может итти о Прибалтийском крае, северо-западных губерниях (литовских и белорусских) и Польше, — постольку это движение было чисто-батрацким, пролетарским в полном смысле этого слова: это ведь были районы чисто или почти чисто-капиталистического сельского хозяйства. И в меру развития сельскохозяйственного капитализма и зависевшей от этой меры степени сознательности и организованности сельскохозяйственного пролетариата определялись и размах и программа этого движения. В Польше и Северо-Западном крае бастовавшие батраки ставили своей задачей улучшение условий труда, главным образом повышение заработной платы. В Прибалтийском крае целью ставилось не только это: нередко здесь движение, руководимое латышской социал-демократией, имело и яркую революционно-политическую окраску и даже окраску социалистическую: проходило под лозунгом отобрания земли у баронов, сельскохозяйственных предпринимателей, и коллективного ведения хозяйства кооперацией батраков, с тем, чтобы, после торжества демократической республики,

[1]) Обществ. движен. в России в нач. XX в., т. II, вып. 2-й, стр. 251—253, 268 (статья Маслова).

местное демократически-построенное областное управление, национализировав или муниципализировав землю, организовало на ней правильно такое коллективное крупное сельскохозяйственное производство. Что касается юга и юго-запада—Украины, Волыни, Подолии и т. д.,—то там не только социалистический и политический элементы движения были слабее, даже сводились на нет, но и трэд-юнионистские пролетарские требования осложнялись примесью борьбы с остатками крепостнического хозяйства, и потому видную роль играло требование понижения арендных цен на помещичью землю. Таким образом наряду с пролетарским движением здесь выступало движение крестьян малоземельных и середняков, которое иногда даже подчиняло себе забастовочные попытки батраков, тем более, что, как мы уже видели на примере Подолии, батрацкие забастовки были примитивны, не опирались на профессиональную организацию и не имели в основе своей забастовочного фонда. Совершенно не подлежит сомнению, что богатое крестьянство во всем этом забастовочном движении не только не играло руководящей роли, но даже не принимало и никакого участия. Напротив, поскольку оно также пользовалось наемным трудом, движение направлено было и против него, по крайней мере косвенно: повышение заработной платы рабочим в помещичьих имениях вело, естественно, в конце-концов и к общему вздорожанию рабочих рук, следовательно, и к повышенной оплате труда батраков, занятых в хозяйствах зажиточных крестьян.

Одной из весьма распространенных форм крестьянского движения был захват в помещичьих экономиях хлеба, скота, сена, и порубка леса. Этот вид движения часто встречался и на севере, и в центральной черноземной полосе, и в Новороссии. Чем он вызывался? каковы были его мотивы? На вопросы при следствии— „чего вы хотите?“, крестьяне единодушно отвечали: „мы хотели и хотим есть“ [1]). Голод—вот побудительная

[1]) Троцкий, 1905 год, стр. 179; Маслов, Агр. вопр., II, стр. 150—153; Общ. движ., т. III, стр. 246—250 (статья Маслова).

причина. И опять, конечно, нет оснований приписывать руководящую роль здесь богатому крестьянству. Правда, иногда и некоторые богатые крестьяне участвовали в свозе хлеба, сена и скота, но участвовал и деревенский люмпенпролетариат, босячество, что далеко не означало, что тем или другому принадлежало руководство. Главное значение имели здесь те крестьяне-середняки, которых малоземелье, чересполосица, тяжелые подати, высокие арендные цены, штрафы за потравы ставили на грань перехода в пролетариат, над бездной безысходной нужды. Если бы и тут руководили делом богатые мужики, желавшие уничтожить своих конкурентов—помещиков — была бы известная планомерность, которой на деле совершенно не существовало: „в некоторых случаях при первом походе на грабежи из данной деревни отправлялась только часть крестьян, но затем, соблазненные первыми, и остальные отправлялись громить следующую усадьбу; какого-нибудь распределения экономий между деревнями не было: всякий раз приезжал, кто хотел, из какой бы то ни было деревни, и приезжали иногда очень издалека“ [1]).

После октябрьских дней 1905 года виднейшее место между другими формами крестьянского движения—особенно в Саратовской и Тамбовской губерниях, но отчасти также в Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и в Новороссии—приобрело выкуривание помещиков, полное истребление усадеб с хозяйственными постройками, не только захват скота, но и поголовное вырезывание его, напр., тонкорунных овец в Саратовской губ. Предполагалось, что вследствие такого разорения помещики долго не смогут вернуться обратно, и новый порядок владения землей, захват крестьянами земель помещиков, упрочится. Этот вид движения вместе с тем, о котором мы только что говорили, причинил наибольшие убытки помещикам: во всей России сожжено было две тысячи помещичьих усадеб, в одной Саратовской

[1]) Маслов, Агр. вопр., II, стр. 152.

губернии 272 усадьбы, в Тамбовской 130; убыток достигал 30 милл. руб., в одной Саратовской губ. 10-ти миллионов [1]). Конечно, такая форма движения как-будто больше всего сулила богатым крестьянам возможность полного искоренения их конкурентов на хлебном рынке—помещиков, и, конечно, это побуждало их участвовать в общем движении. Но отсюда еще далеко до приписывания им роли вождей—тем более, что, напр., саратовское движение сочеталось с политическим течением и направлением, которое составляло и особую форму движения.

В Саратовской губ. сильные организации развиты были социалистами-революционерами: организованы были до 200 крестьянских братств, рекомендовались действия бойкотом, стачками, боевыми дружинами; местное отделение Крестьянского союза, руководимое партией социалистов-революционеров, осуществило обезоружение казенных лесничих и передачу их оружия крестьянам; начальство изгонялось, выбирались новые сельские власти. Здесь и в других местах— особенно в промышленных губерниях—крестьяне стали говорить о выборном царе, отказывались от дачи рекрут, платежа податей и уплаты долгов. 6 ноября 1905 г. в Москве состоялся второй с'езд крестьянского союза, на котором присутствовало 187 делегатов от 27 губерний, и с'езд голосовал за передачу всей земли крестьянству по решению учредительного собрания и за союз с этою целью с рабочими. Состоялись также крестьянские с'езды в Вятской губернии, где было 200 чел. участников, и в Вильне от литовских губерний с 2.000 участников. Грузинское, в особенности гурийское, крестьянство удерживало у себя революционное самоуправление. [2]) Все это очень мало походит на гегемонию богатого крестьянства и свидетельствует именно о первенствующей революционной роли середня-

[1]) Троцкий, 1905, стр. 179—184. Общ. движ., III, стр. 246—250 (статья Маслова).

[2]) Маслов, Агр. вопр., II, стр. 155 и след. Троцкий, 1905, стр. 184—186.

ков, хозяйственное положение которых было таково, что грозило им окончательной гибелью, пролетаризацией. Середняки и составляли ядро движения и руководящий им центр, а к ним с обоих флангов примыкали с одной стороны крестьяне зажиточные, не всегда прямо участвовавшие в движении, и малоземельные полупролетарии. Батраки играли видную, первую роль в забастовках, а деревенское босячество было участником только грабежей.

Характеризуя крестьянское движение в целом, следует еще прибавить, что оно постепенно шло на убыль. В 1906 году исчезли полные разорения и разгромы усадеб, уменьшились даже порубки, более устойчивой оказалась только пролетарская форма движения—забастовки[1]). Причины ослабления крестьянского движения понятны: арендные цены под его влиянием были понижены вдвое, затем в той же, приблизительно, пропорции поднялась и заработная плата сельскохозяйственным рабочим. Отменены были к 1906 г. наполовину, к 1907 г. совсем выкупные платежи. Голодному был дан кусок хлеба, и он так этому обрадовался, что притих надолго. Это имело огромное и, конечно, весьма неблагоприятное влияние на ход революционной борьбы пролетариата и городской буржуазной демократии.

Они, конечно, не сложили оружия и после октябрьских уступок: цель революции с точки зрения этих классов не была достигнута. Но как итти к этой цели, что делать? То был основной вопрос всего положения в данный момент. Без сомнения, нельзя было его разрешить одной стачечной борьбой, политической забастовкой, даже опять всеобщей, всенародной. Всеобщая политическая забастовка могла дать в лучшем случае лишь полупобеду, как в октябре; для довершения победы нужно было победоносное вооруженное восстание. Для его осуществления нужна была подготовка техническая, чисто-военная, подготовка обучением революционных дружин и запасами оружия для них, и в особенности подготовка путем

[1]) Общ. движ., III, стр. 267—268 (статья Маслова).

агитации и революционной организации войск — армии и флота. Будущее—в Турции в 1909 году, в России в феврале и октябре 1917 г.—показало, что без разрешения этой второй задачи победоносное восстание немыслимо.

Мы и должны теперь посмотреть, что сделано было революционными организациями в обоих этих отношениях или, выражаясь партийными, техническими терминами, в области компетенции боевой и военной организаций?

Что касается боевой организации, то одна лишь фракция большевиков поставила вопрос об ее учреждении и работе практически, поскольку речь могла итти не о рабочей самообороне, а о революционном наступлении, о вооруженном восстании. Но и большевики подняли этот вопрос только после 9 января 1905 г., и решение его стало воплощаться в конкретную форму лишь в средине февраля 1905 года. В Петербурге составилась группа из трех человек (Буренина, Драбкиной и Софии Познер) с заданием подготовки рабочей массы к восстанию. Она должна была об'единить небольшие группы подготовленных или способных к боевому делу партийных рабочих, не отрывая их от тех партийных ячеек, в которые они входили. Средств было немного, но в меру возможности сделано было все: добывалось оружие (револьверы) через Финляндию, оно было роздано рабочим, несколько студентов-кавказцев служили боевыми инструкторами, рабочие сами изготовляли на заводах для себя кинжалы и ножи, один химик ездил в Болгарию, научился там технике приготовления ручных гранат болгарского типа, выработана была инструкция к их изготовлению, и к осени 1905 г. сделано было не мало таких гранат [1]).

Энергия и умелость проявлены были таким образом большие, но результаты, конечно, были очень далеки от

[1]) С. Познер, Первая организация большевиков по подготовке к вооруженному восстанию: „Красная Летопись" за 1922 г., № 5, стр. 329—334.

того, чтобы подавать надежды на успех: несколько десятков и даже две—три сотни рабочих, вооруженных револьверами, кинжалами и ручными гранатами, конечно, не могли произвести победоносного вооруженного восстания.

Центр тяжести технической подготовки восстания, естественно, перемещался таким образом в сторону работы военной организации. Такие организации возникли в 1905 г. у всех революционных партий. Такова была, напр., меньшевистская организация черноморских моряков, проявившая себя, как мы уже видели, в бунте на броненосце „Потемкин". Большевистский Ц. К. также пытался направить потемкинское движение, связав его с артиллеристами Батума, где велась большевиками агитация, но из этого тогда ничего не вышло: не существовало еще хорошо слаженной военной организации. До конца 1905 года никаких существенных изменений в дело военной пропаганды, агитации и организации внесено не было: совершалась только подготовительная работа—выработка программы партийной деятельности в данном отношении и агитационной платформы [1]). Это пока было все, что делалось и могло быть сделано в то время.

Общий вывод ясен: в боевом и военном отношениях русская революция в последние месяцы 1905 года была почти совершенно бессильна. Этот факт нужно учесть в первую очередь, чтобы понять ход и исход революционных событий в эти месяцы.

Само собою разумеется, не от этого только все зависело. Вооруженные силы старого режима могли изменить ему в самом ходе революционной борьбы. Поэтому огромное значение получила деятельность вновь возникших открытых массовых организаций—советов рабочих депутатов.

Конечно, первенствующее значение имел петербургский совет. И здесь симптоматично было то, что он вы-

[1]) Ем. Ярославский, Подпольная работа в армии в 1906 году: „Пролет. Рев." за 1922 г., № 5, стр. 164—165.

нужден был угрозой Трепова расстрелом и избиением отказаться от торжественных похорон жертв реакционных погромов: то был уже отказ от революционного наступления, тогда как в Москве осуществлена была грандиознейшая революционная манифестация—похороны Баумана, и только вечером остатки этой манифестации подверглись обстрелу. Да не подумает читатель, что мы хотим здесь выразить порицание с одной стороны и похвалу с другой: нет, мы только беспристрастно констатируем факты и делаем из них соответствующие выводы: в Петербурге уже не всегда оказывалось возможным наступать, в Москве же наступление не прекращалось, а разгоралось, хотя и не быстро, медленно на первых порах. Между рабочими массами обеих столиц тотчас же после октябрьской победы обнаружился разнобой, единства действия не получилось. Петербург, руководивший движением до тех пор, обнаружил первый, пока легкий, признак революционной усталости, тогда как Москва только начинала раскачиваться.

Повидимому, Трепов и руководимые им и департаментом полиции черносотенные банды имели в виду прямо разогнать петербургский совет. Однако, здесь черносотенцы переоценили свои силы и возможности. Петербургский совет оказался достаточно еще сильным, чтобы защититься и устранить погромы в Петербурге. Он призвал к вооружению с целями самообороны весь петербургский пролетариат. „Каждый район Петербурга должен был сорганизовать отряд, со штабом во главе, и иметь постоянные непрерывные дежурства в определенном месте. Рабочие на металлических заводах должны заготовить необходимое количество холодного оружия (за невозможностью достать огнестрельное). При совете рабочих депутатов была создана боевая дружина, вооруженная револьверами. Были также вооружены все члены совета". „Повсюду начали производиться сборы денег специально для покупки огнестрельного оружия. Путиловский завод собрал для этой цели 5.000 рублей, Семянниковский 2.000, Франко-Русский 1.500 р. Все

заводы постановили отчислить известный процент на вооружение. Наборщики нескольких газет были вооружены самими предпринимателями за свой счет. Оружейные магазины, не считаясь с полицейскими запретами, начали продажу оружия без всяких разрешений. Рабочие начали вести охрану заводских районов ночью, организовали патрули, милицию". 13 ноября на Сенной площади устроен был черносотенный митинг, после которого возбужденная толпа двинулась с целью разогнать Совет рабочих депутатов, но натолкнулась на патрули рабочих и, узнав, что совет приготовился к решительному отпору, разошлась" [1]).

Такой же революционно-оборонительный характер имела в сущности и дальнейшая деятельность петербургского совета рабочих депутатов. Ближайшим образом это сказалось в ноябрьской политической забастовке.

26 и 27 октября в Кронштадте произошло стихийное, вне связи с революционными организациями, восстание отдельных частей солдат и матросов на почве материальных требований, ими пред'явленных. Восстание было подавлено, и виновные должны были подлежать военно-полевому суду, т.-е. им грозил несомненный расстрел.

30 октября было об'явлено военное положение в Польше. Петербургские рабочие на заводских собраниях решились итти на все для спасения кронштадтцев. 1-го ноября Совет рабочих депутатов об'явил со 2-го ноября всеобщую забастовку с требованиями освобождения кронштадтцев и отмены военного положения в Польше.

Забастовка началась в Петербурге чрезвычайно дружно, к ней присоединились все рабочие. Несомненно также, что этот акт сомозащиты революции был целесообразен только сам по себе, но и с точки зрения перехода в будущем к революционному наступлению; в высшей степени целесообразно заступничество за восставших солдат и матросов, так как оно связывало с революционным пролетариатом военную силу старого режима и тем ее революционизировало: не даром во время забастовки „среди различных войсковых частей петербургского гарнизона происходили митинги, на которых обсуждались требования рабочих, и читались их резолюции по поводу кронштадтских событий" [1]); не менее целесообразно было и требование отмены военного положения в Польше: связать польский пролетариат с российским жизненной связью на практике было делом первостепенной важности с точки зрения интересов революции. Фактические руководители петербургского совета —Троцкий, Кнуньянц и Сверчков—сделали, таким образом, все то, что и должны были сделать.

Но обнаружились снова в высшей степени опасные признаки утомления петербургских рабочих: забастовка началась 2-го ноября, а уже 4-го настроение рабочих стало падать, и пришлось поднять вопрос о прекращении забастовки. Вопрос этот тогда, правда, в Совете не прошел, но 5-го Совет все же вынужден был об'явить ее с 7-го прекращенной, хотя военное положение в Польше отменено не было[2]). Освобождения кронштадтцев не удалось достигнуть, но рабочие были успокоены уступкой правительства: 2-го ноября вечером адмиралтейств-совет отменил назначенный над кронштадтцами военно-полевой суд и предал их обыкновенному военному суду „за буйство в пьяном виде" [3]).

Была еще одна важная черта в ноябрьской забастовке—черта, свойственная не ей одной, а и другим действиям петербургского совета и повлиявшая очень сильно на ход и исход революции: ноябрьская забастовка была изолированным действием одного только петербургского пролетариата: на нее не откликнулась не только вся революционная Россия, но даже и пролетариат других городов.

---

[1]) Сверчков, На заре революции, стр. 117—121.

[1]) Там же, стр. 127.

[2]) Покровский, Русск. ист. в сам. сжат. оч., III, I, стр. 181—182.

[3]) Сверчков, На заре рев., стр. 129.

Тем не менее петербургский совет сделал все от него зависевшее, чтобы, пользуясь фактами стихийного возбуждения и волнения в армии и флоте, связать солдат и матросов с рабочими. Им было выпущено прекрасное воззвание к „солдатам армии и флота", написанное Троцким, с указаниями, что у них „нет другой защиты, кроме рабочего народа", что „в Кронштадте и Севастополе рабочие боролись и умирали вместе с матросами", что они избавили кронштадтцев от военно-полевого суда; необходимо „общим могучим натиском смести с лица нашей родины произвол и самовластие", что может сделать „только рабочий народ вместе с братскими войсками" [1]).

Все возможное было сделано, но главная масса военной силы не встала на сторону революции.

Не одна ноябрьская забастовка была изолированым действием петербургского пролетариата. Такая же изолированность, одиночество характеризует и следующее революционное выступление петербургского пролетариата в ноябре—борьбу за восьмичасовой рабочий день, тогда как именно эта борьба по самому существу ее об'екта требовала всероссийских об'единенных усилий.

Факты, сюда относящиеся, таковы: 26 октября делегаты Невского района Петербурга решили, помимо совета, ввести захватным порядком восьмичасовой рабочий день; важнейшие заводы этого района—Обуховский, Александровский и Семянниковский—осуществили это решение; таким образом Совет в заседании своем 29 октября был поставлен перед совершившимся фактом и постановил с 31-го октября начать борьбу за восьмичасовой рабочий день во всех петербургских предприятиях; ноябрьская забастовка временно прервала борьбу за восьмичасовой день, но с ее прекращением борьба возобновилась; предприниматели сначала как-будто не сопротивлялись, но потом владельцы 72 металлических предприятий, текстильных фабрик и заводов об'явили рабочим локаут; первыми были закрыты казенные заводы, потом стали закрываться частные, число безработных сразу увеличилось на 100 тысяч человек; 12-го ноября Совет об'явил фактический захват восьмичасового дня временно приостановленным [1]).

[1]) Сверчков, На заре революции, стр. 130—131.

Поражение было, таким образом, несомненное и очень тяжкое: революционное наступление в самом существенном, наиболее жизненном, для рабочих вопросе потерпело неудачу. Где была основная причина этой неудачи?

В союзе правительства с предпринимателями, говорят одни [2]). В том, утверждают другие [3]), что неудачная ноябрьская забастовка ободрила предпринимателей на решительное сопротивление, тем более, что она прервала и начатую было борьбу за восьмичасовой рабочий день, и потом пришлось снова возвращаться к этой борьбе, а „нет ничего опаснее, в разгаре сражения, как внезапно менять направление атаки,—только чудо может в таких случаях спасти от поражения".

Оба эти об'яснения верно констатируют факты: действительно, союз правительства с предпринимателями имел место и привел к локауту; правда и то, что предприниматели ободрились вследствие ноябрьской неудачи, и что технически-неудачной была перемена направления революционного натиска. И все же то были только второстепенные, производные причины неудачи, основная лежала глубже,—в невозможности частичной, одинокой, местной борьбы за восьмичасовой день путем захвата. Многие члены Совета понимали это и говорили об этом, но на рабочую массу такие замечания и предостережения не действовали [4]): ее революционность была еще инстинктивной по преимуществу, малосознательной, тактика ее определялась всецело чувством и настроением, без участия здравого и холодного расчета.

[1]) Троцкий, 1905 год, стр. 173—175; Сверчков, На заре революц., стр. 136—137; Покровский, Рус. ист. в сам. сжат. оч., III, 1, стр. 181—182.

[2]) Хрусталев-Носарь в „Истории петерб. совета раб. депут. и отчасти Сверчков в книге „На заре революции", стр. 137.

[3]) Покровский, Рус. ист. в сам. сж. оч., III, I, стр. 182—183.

[4]) Сверчков, На заре революции, стр. 137.

Захватная тактика в других вопросах—не в завоевании восьмичасового дня—имела больший успех: удалось в дни свободы—в октябре и ноябре 1905 г.—осуществить путем прямого захвата свободу печати, союзов, собраний. Не только старая печать стала выходить, по постановлению петербургского совета, без цензуры, но появилась и новая революционная печать в Петербурге, Москве и провинции: в Петербурге у большевиков стала выходить „Новая Жизнь“, у меньшевиков „Начало“, „Сын Отечества“ стал газетой социалистов-революционеров; в Москве у меньшевиков выходила „Московская Газета“, у большевиков „Ворьба“. Профессиональные союзы всюду стали расти и самочинно организоваться. Многотысячные агитационные митинги и пропагандистские курсы и лекции сделались повседневным явлением. В смысле подготовки дальнейшей революционной борьбы все это было очень важно, и достижения здесь облегчались в очень значительной мере тем, что движение во всех этих направлениях было не только петербургским, но всероссийским. Однако, прочными и длительными все эти революционные достижения не были: уже в ноябре правительством были изданы временные правила о печати, союзах и собраниях, весьма стеснительные по существу, ставившие все эти „свободы“ под полицейский контроль и надзор, и хотя сначала эти правила и игнорировались, но декабрьские события заставили потом им фактически подчиниться.

После неудачи революционного захвата восьмичасового рабочего дня перед Петербургским Советом стояли две основные задачи: во-первых, помощь безработным, число которых до крайности увеличилось вследствие локаута, во-вторых, создание всероссийского революционного массового об‘единения с целью окончательного и решительного натиска на самодержавие.

14 ноября Петербургский Совет рабочих депутатов принял по случаю локаута и безработицы резолюцию, составленную Лениным и предложенную Кнуньянцем, в которой „разоблачался перед всеми союз, заключенный правительством и буржуазией против рабочих, и пролетариат, революционное крестьянство, армия и флот призывались к об‘единению во всероссийском масштабе, чтобы нанести окончательный удар самодержавию“ [1]). Резолюция эта об‘единяла обе очередные задачи, стоявшие перед Советом: и борьбу с безработицей, и создание всероссийского революционного центра.

Для помощи безработным Совет организовал специальную комиссию из трех членов исполнительного комитета, трех представителей большевиков, трех меньшевиков и трех социалистов-революционеров. Петербургская дума ассигновала на устройство столовых для безработных жалкую сумму в 2.000 руб., совет дал 10.000 р., и, кроме того, рабочие по фабрикам и заводам производили сборы в пользу безработных [2]). Конечно, всего этого было мало, чтобы не только устранить, но хотя бы существенно облегчить вопиющую массовую нужду.

Еще 15 ноября предполагался в Петербурге всероссийский с‘езд советов рабочих депутатов. Он, однако, осуществлен не был, об‘явлен был отложенным. Едва ли можно согласиться с тем, что причина отсрочки заключалася в ноябрьской забастовке [3]): забастовка задолго до того кончилась. Причина заключалась в неподготовленности с‘езда и слабости связей: недаром тотчас после того Совет постановил принять меры к подготовительной кампании и с целью ее ведения отправил в поездку по России двух своих членов—Зборовского и Степана Голубя. Они отправились в об‘езд, но не успели закончить свою работу до постигшей Петербургский Совет катастрофы [4]).

События, приведшие к этой катастрофе, начали разыгрываться с половины ноября. Правительство Витте—Дурново отрицало право государственных служащих составлять профессиональные союзы. Этим разрушался союз почтово-телеграфных служащих, и потому они забастовали. Петербургский Совет ассигновал им на помощь 2.000 р.

[1]) Там же, стр. 137.
[2]) Там же, стр. 139.
[3]) Там же, стр. 140.
[4]) Там же, стр. 140.

тариат, революционное крестьянство, армия и флот призывались к об'единению во всероссийском масштабе, чтобы нанести окончательный удар самодержавию" [1]). Резолюция эта об'единяла обе очередные задачи, стоявшие перед Советом: и борьбу с безработицей, и создание всероссийского революционного центра.

Для помощи безработным Совет организовал специальную комиссию из трех членов исполнительного комитета, трех представителей большевиков, трех меньшевиков и трех социалистов-революционеров. Петербургская дума ассигновала на устройство столовых для безработных жалкую сумму в 2.000 руб., совет дал 10.000 р., и, кроме того, рабочие по фабрикам и заводам производили сборы в пользу безработных [2]). Конечно, всего этого было мало, чтобы не только устранить, но хотя бы существенно облегчить вопиющую массовую нужду.

Еще 15 ноября предполагался в Петербурге всероссийский с'езд советов рабочих депутатов. Он, однако, осуществлен не был, об'явлен был отложенным. Едва ли можно согласиться с тем, что причина отсрочки заключалася в ноябрьской забастовке [3]): забастовка задолго до того кончилась. Причина заключалась в неподготовленности с'езда и слабости связей: недаром тотчас после того Совет постановил принять меры к подготовительной кампании и с целью ее ведения отправил в поездку по России двух своих членов—Зборовского и Степана Голубя. Они отправились в об'езд, но не успели закончить свою работу до постигшей Петербургский Совет катастрофы [4]).

События, приведшие к этой катастрофе, начали разыгрываться с половины ноября. Правительство Витте—Дурново отрицало право государственных служащих составлять профессиональные союзы. Этим разрушался союз почтово-телеграфных служащих, и потому они забастовали. Петербургский Совет ассигновал им на помощь 2.000 р.

---

[1]) Там же, стр. 137.
[2]) Там же, стр. 139.
[3]) Там же, стр. 140.
[4]) Там же, стр. 140.

Но почтово-телеграфная забастовка не удалась, и поддержка ее Петербургским Советом послужила поводом к аресту 26 ноября его председателя Хрусталева-Носаря. Исполнительный комитет счел невозможной всеобщую забастовку в Петербурге по этому поводу: успешным могло быть только всероссийское выступление. Выбран был сначала президиум из Троцкого, Сверчкова, Злыднева, а потом председателем был избран Троцкий. Последним актом Петербургского Совета было издание им манифеста с отказом от платежа царских долгов и с призывом населения брать вклады из сберегательных касс и требовать уплаты за работу звонкой монетой, а не бумажными деньгами [1]). Несомненно, этот манифест бил правительство по самому больному месту, и тогда окончательно решено было ликвидировать Совет, что и было исполнено 3 декабря 1905 г., когда все члены Совета были арестованы во время заседания. Ни арест председателя, ни даже арест всего совета не вызвал никакого противодействия, хотя бы даже всеобщей забастовки протеста, со стороны петербургского пролетариата. Рабочие Петербурга бастовали лишь частично, и Петербург перестал в декабре не только итти в главе революции, но и вообще быть активным: московское восстание им не было поддержано.

Итак, петербургский пролетариат, революционная энергия которого сразу поднялась до необычайной высоты после 9-го января и продолжала возрастать и развиваться вплоть до октября и начала ноября, потерял революционную активность к концу ноября, не поддержал московского движения как раз тогда, когда оно больше всего в такой поддержке нуждалось. Почему так случилось?

Нет, конечно, сомнения, что неудачи борьбы в ноябре 1905 года создали упадок настроения и активности [2]). Петербургские рабочие если неясно сознавали, то смутно чувствовали, что движение не имеет центра и всероссийской организации и потому осуждено на неудачу. Но,

[1]) Там же, стр. 155—158.
[2]) Покровский, Р. ист. в сж. оч., III, I, стр. 187—188

вопреки отрицаниям экономической их истощенности [1]), таковая все-таки была: „проведение восьмичасового рабочего дня революционным путем и последовавшее за этим закрытие фабрик и заводов обессилило петербургский пролетариат и лишило его боеспособности на продолжительное время“ [2]). Во время локаута лишились работы, перешли на положение безработных многие наиболее активные политические элементы рабочего класса, и для других это было предостережением. Характерно, что как раз Невский район, прежде шедший в первых рядах революции, принял наименьшее участие в декабрьской забастовке. Упадок движения добил петербургских рабочих: именно в декабре они получили гораздо меньше заработной платы, чем в предыдущие месяцы революции [3]): теперь за стачечные дни не платили.

В Москве движение шло иначе, чем в Петербурге. Здесь в октябрьские дни, как и в Петербурге и в других местах, добились амнистии, устроены были грандиозные похороны убитого черносотенцем во время революционной демонстрации социал-демократа Баумана, основан был совет рабочих депутатов, несравненно менее, впрочем, влиятельный, чем в Петербурге, дни свободы для митингов, лекций, пропаганды и агитации были использованы как нельзя лучше, частичных забастовочно-политических вспышек не было. В общем, настроение московского пролетариата непрерывно возрастало и атмосфера накалялась. Здесь шел последовательный под'ем, а не упадок.

Поэтому сообщение об аресте петербургского совета рабочих депутатов и о забастовке в Петербурге сыграло в Москве роль искры в пороховом погребе. Бороться с под'емом революционного настроения стало невозможно, 5-го декабря состоялась общегородская конференция представителей фабрик, заводов, профессиональных союзов и революционных партий. Присутствовало до 900 человек.

[1]) Там же, стр. 186—187.
[2]) Сверчков, На заре рев., стр. 138.
[3]) Покровский, Назв. соч., III, I, стр. 187.

Представители партий, в том числе от московского комитета большевиков В. Л. Шанцер-Марат, революционность которого не подлежит ни малейшему сомнению, а также Землячка-Залкинд сделали все, от них зависящее, чтобы внести в решение конференции максимум сознательности: они указывали на возможную изолированность выступления, на его техническую неподготовленность, на вероятность вследствие этого поражения. Все было напрасно: кто был на этом собрании, тот знает, какой огромной стихийной силой являлось революционное настроение как раз представителей московских рабочих. Конференция решила начать забастовку 7 декабря в 12 часов дня. В ночь с 6-го на 7-ое декабря московский совет рабочих депутатов, комитет большевиков, меньшевистская группа и комитет социалистов-революционеров единогласно и без прений санкционировали это решение, и 7 декабря всеобщая политическая забастовка в Москве стала быстро развертываться [1]).

Положение в Москве сразу стало серьезным, тем более, что гарнизон был ненадежен: еще в ноябре началось брожение в войсках, выставлялись требования улучшения экономического и правового положения солдат, Ростовский гренадерский полк арестовал и изгнал офицеров и заперся в казармах; правда, тогда это движение осталось изолированным, носило притом же не наступательный характер и потому естественно потерпело неудачу [2]), но полагаться на гарнизон было невозможно. И когда наряду с фабриками и заводами забастовали также и железные дороги—все, кроме Николаевской,—московский генерал-губернатор адмирал Дубасов не только об'явил Москву на положении чрезвычайной охраны, но и телеграфировал в Петербург с просьбой о немедленной присылке бригады пехоты. Вечером 8-го декабря на это последовал ответ, что

[1]) К. Н. Л. (Левин), Вооруженное восстание в Москве—в сборнике „Текущий момент". Декабрь 1905 г. на Красной Пресне, стр. 11 (восп. Доссера) и стр. 30 (восп. Костицына).
[2]) Декабрь 1905 г. на Красной Пресне, стр. 28 и сл. (восп. Костицына).

„в Петербурге свободных войск для пересылки в Москву нет" [1]). Главной вооруженной силой Дубасова в начале забастовки были Сумский драгунский полк, четыре сотни казаков и полиция, которая спешно была вооружена ружьями. 10 декабря она была усилена набором 1.000 новых городовых из числа ночных сторожей [2]).

Для всех было ясно, что на этот раз дело не ограничится и не может ограничиться одной только забастовкой, что необходимо и будет осуществлено в действительности и вооруженное восстание. С целью руководства забастовкой и восстанием организован был особый центр из представителей обеих фракций социал-демократов, социалистов-революционеров и железнодорожного союза. Но главная часть его была случайно арестована 6 декабря, при чем власти даже не знали, что за организация попала в их руки. В числе арестованных были и Шанцер [3]). Движение лишилось руководящего центра, который позднее получил весьма несовершенную замену, плохо связанную, чаще всего совершенно не связанную с отдельными очагами восстания [4]).

Несмотря на все это забастовка быстро разгоралась и к утру 9-го декабря стала в полном смысле слова всеобщей,—не бастовала только Николаевская железная дорога. Войска и полиция разгоняли митинги и демонстрации. Так, в ночь с 7-го на 8-е декабря был осажден в „Аквариуме" многотысячный митинг, часть участников которого проникла задами в Комиссаровское училище, где и отсиживалась до утра, когда полиция и войска ушли. Рабочие 9-го декабря ясно понимали недостаточность забастовки: в Замоскворечье говорили: „ведите нас на баррикады или кончайте забастовку".

Но восстания все же пока не было. Его провоцировали войска и полиция своими действиями: около полуночи 9-го декабря стреляли на углу Тверской и Садовой

[1]) Сторожев, Декабрьское вооруженное восстание, стр. 22.
[2]) Там же.
[3]) Декабрь 1905 г. на Красной Пресне, стр. 12 (восп. Доссера).
[4]) Там же, стр. 14.

и в ночь с 9-го на 10-е артиллерийским огнем заставили сдаться большой митинг, где была боевая дружина социалистов-революционеров, в реальном училище Фидлера около Чистых Прудов. Вечером рабочие разоружали отдельных офицеров, жандармов и городовых и сделали первые попытки построить баррикады на Страстной и Триумфальной площадях.

10-го декабря партизанская война об'явлена была официально лозунгом московского восстания, и сразу начали строиться баррикады, как оборонительное средство партизан на окраинах—на Пресне, в Хамовниках, в Замоскворечье, в Лефортове, по линиям Садовой с передовыми постами в районе за Тверским бульваром и т. д.[1]). Несомненно, все это указывало на слабость военных сил восставших: число вооруженных дружинников не превышало нескольких сот [2]). Революция могла обороняться, но не наступать [3]). Победа могла венчать ее дело только тогда, когда ей пришли бы помощь, когда в других частях страны пошло бы вперед победоносное восстание, или войска в самой Москве перешли бы на ее сторону. Но и реакция не могла еще наступать: она оборонялась в центре и особенно усердно отстаивала также Николаевский вокзал—связь с Петербургом. Со станции Москва 2 Курской железной дороги революционерами тщетно дела-

[1]) Наиболее подробный перечень московских баррикад в книжке „Москва в декабре 1905 г.“, изд. Кохманского. М. 1906.

[2]) Только в одном показании мы встречаем цифру в 2.000 человек („Путь к октябрю“, I, стр. 50); но этому противоречат все другие данные; число железнодорожных дружинников определялось в 60—70 чел. (там же, I, стр. 17), боевая дружина Богородского района состояла из 20—25 человек (там же, III, стр. 129), моск.-нижегор. дороги из 40 чел. (там же, III, стр. 156), в Ронталеровском участке было 50 дружинников (там же, III, стр. 67), в Мнусском подрайоне дружина состояла сначала из 48 человек, и потом, с присоединением к ней фабрично-заводских рабочих, дошла до 90 чел. („Декабрь 1905 г. на Красной Пресне“, стр. 55, 58), число дружинников на Пресне было 100—150 чел. (там же, стр. 42); во всей Москве в конце октября дружинников было 250 (там же, стр. 24), а в декабре „несколько сот“ (там же, стр. 13).

[3]) „Возможности перейти в наступление у нас не было“—слова Виноградова („Декабрь 1905 г. на Красной Пресне“, стр. 60).

лись неоднократные попытки захватить этот важный пункт, но достигнуть этой цели не удалось: вокзал был окружен кольцом пулеметов. 10-го же декабря началась не только ружейная, но пулеметная и артиллерийская пальба на улицах Москвы. Главными местами, откуда шла орудийная стрельба, были Тверская площадь, Триумфальная Садовая, Сухарева башня и Кудринская площадь. Садовая и Пресня были главными целями обстрела. Временами войска, полиция и пожарные делали набеги на забаррикадированные районы и разрушали баррикады, но по их уходе разрушенное вновь строилось.

Так продолжалось до 15 декабря. В этот день к Дубасову пришло подкрепление, решившее дело: так как в Петербурге было спокойно, в Москву послан был гвардейский Семеновский полк во главе с Мином и Риманом. 16 декабря революционные организации решили прекратить забастовку и восстание с 19-го и снять баррикады, но уже 16-го баррикады исчезли везде, кроме Пресни. С 17-го по 21-ое дальним стратегическим обходом семеновцы при поддержке артиллерии ликвидировали восстание на Пресне, при чем большинство дружинников спаслись, сожжены были артиллерийским огнем фабрика Шмидта, рабочая казарма Прохоровской фабрики и много частных домов на Пресне. Расстреляно было здесь 120 человек и 129 человек по Казанской дороге до Коломны: ею приезжали и потом спасались при помощи революционеров-машинистов многие дружинники.

В московском движении до сих пор остается не об'ясненным тот факт, что наибольшей энергией отличалась Пресня. То был, если не считать фабрики Шмидта, где фабрикант был большевик и сам вооружил своих рабочих, отсталый район, и Прохоровская фабрика, главная в нем, не была издавна центром с.-д. пропаганды и даже после 9 января бастовала недолго и примкнула к забастовке из последних. Однако, эта фабрика была самостоятельным районом зубатовской организации, и это, вероятно, и явилось основой, ускорившей развитие сознания и организации прохоровских рабочих. Во всяком случае восста-

ние на Пресне показало, что к повстанческим настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отсталые рабочие, как только в них пробуждается политическое сознание. Это, конечно, понятно: им по-истине нечего терять, кроме цепей.

Нам остается теперь набросать общую картину ноябрьских и декабрьских событий в провинции: тогда разрозненность движения, местная, почти полная его замкнутость выступят с достаточной степенью яркости.

Важнее всего была, конечно, манчжурская армия. Потерпев поражения, слыша о событиях внутри России, армия, действовавшая в войне с Японией, быстро революционизировалась. Нельзя сказать, что революционные организации игнорировали ее, — напротив, на нее обращено было внимание, и агитация и пропаганда там велись. Но, во-первых, возможно, что это внимание не было достаточно интенсивным; во-вторых, пропаганда и агитация натолкнулись на господствовавшее настроение солдат, которое резюмировалось одним словом—„домой". Армия оказывалась, таким образом, не активной массовой, революционной, вооруженной силой, которая действительно способна была бы довести демократическую революцию до конца, а сборищем отдельных лиц, которые стремились только к одному,—раствориться в обывательской массе. Это понял в самый опасный момент главнокомандующий армией генерал Линевич, который успел и сумел уступками и скорейшей переправой наиболее волновавшихся частей на родину успокоить массу, а затем докончил дело отчасти уже и мерами строгости, сменивший его по настояниям Витте, генерал Гродеков. Манчжурская армия с грехом пополам была, таким образом, по частям эвакуирована, и самодержавие избавилось от величайшей опасности, ему угрожавшей: недаром Витте в своих „Воспоминаниях" ставит себе в особую заслугу эту эвакуацию.

11-го ноября вспыхнуло восстание в Севастополе на судах черноморского флота. Матросы здесь находились под влиянием прибывших из Петербурга рабочих, устанавливавших с августа 1905 года части машины на броненосце „Очаков". Вела пропаганду среди матросов также и севастопольская группа с.-д. меньшевиков, где видную роль играли Вороницын, Канторович, Инна Смидович, Вольская, Генриетта Мешман, Шиманский и др. Когда 11-го ноября начались матросские митинги в Севастополе, контр-адмирал Писарев и штабс-капитан Штейн попытались их разогнать, но первый был ранен, второй убит. По предложению социал-демократки Вольской, на митинге выбран был совет депутатов, и пред'явлены были требования освобождения всех арестованных — военных и политических, — неприкосновенности депутатов и собрания делегатов всех войск для выработки мер успокоения страны и армии. 12-го ноября состоялся новый митинг, в котором участвовали 10 тысяч человек, при чем к матросам присоединились и солдаты. Командир черноморского флота адмирал Чухнин соглашался допустить собрание матросских представителей в морских казармах; руководителями этого собрания были опять-таки социал-демократы.

Главными очагами восстания были броненосец „Очаков" и учебное судно „Днестр". Офицеры с „Очакова" поспешили удалиться на броненосец „Ростислав" после безуспешных попыток убедить матросов выдать винтовки и таким образом разоружиться.

Между тем собрание матросских представителей в морских казармах пред'явило следующие требования: сокращение морской службы с семи до пяти лет, погрузка угля на суда не командой, а вольными артелями, при стоянках сообщение с берегом не на гребных судах, а на паровых и моторных, минимум матросского жалованья 25 руб. в месяц, при выходе в запас сохранение обмундирования и выдача 50-ти руб., вежливое обращение и отмена титулования [1]).

В этих требованиях не было ничего политического: матросы не шли далее профессиональных пожеланий.

[1]) Дробот, Севастопольское восстание 1905 г. „Прол. Револ." за 1923 г., № 6—7 (18—19), стр. 112—117.

Повидимому, до тех пор не пробудилось еще в матросской массе и в Севастополе, как и раньше в Кронштадте, настоящего политического сознания. И социал-демократы вынуждены были с этим считаться. Рабочие севастопольского порта деятельно помогали восставшим: они прекратили работы, помогали матросам брать снаряды и отказались перевозить вооружение войскам, оставшимся верными правительству [1]).

Лишенные настоящего политического сознания, разрозненные, не имевшие прочной организации, матросы, однако, выступили с протестом против существующего порядка в армии и флоте и тем поставили себя в такое же противоречие со старым политическим строем, как ставили себя раньше в такое же противоречие студенты беспорядками и забастовками по чисто академическим причинам. Во флоте, в силу военной дисциплины положение, однако, было гораздо ответственнее, чем в высших учебных заведениях, и потому, перед матросами рисовались грозные перспективы суровых наказаний. Между тем, социал-демократы считали вооруженное выступление заранее обреченным на неудачу и отказались им руководить [2]). Тогда матросам оставалось одно: во что бы то ни стало найти вождя, который повел бы их вперед,— отступать было уже поздно.

Такого вождя они нашли в лице лейтенанта Шмидта, который был известен в Севастополе тем, что произнес речь в октябрьские дни при похоронах убитых у тюрьмы при освобождении политических заключенных. В этой речи, очень горячей, произнесенной с большим под'емом, он взял клятву с присутствовавших, что они не уступят завоеванных прав и будут продолжать забастовку, если не будет достигнуто всеобщее избирательное право. За эту речь Чухнин, в свое время, арестовал Шмидта, и тот написал из тюрьмы письмо, выражающее его политические убеждения: называя себя „социалистом вне партий“,

[1]) Там же, стр. 118—136.
[2]) Там же, стр. 137.

Шмидт в этом письме центр тяжести борьбы переносил в область политической реформы, отнюдь не революции и не свержения царской власти, а что касается реформ социальных, то он рассматривал их как простое следствие политической реформы, полагал, что они сами собой к ней приложатся. В этом же роде Шмидт выступал и позднее, на митингах [1]).

Политическая неоформленность воззрений Шмидта оказалась сродни матросскому сознанию. И потому матросы, недовольные тактикой мирного протеста и организации постоянного совета делегатов, предлагавшейся социал-демократами, отвергли и настояния социалистов-революционеров, появившихся в Севастополе с конца октября и требовавших немедленного и решительного восстания [2]). Выбрав вождем своим Шмидта, матросы снова повторили свои профессиональные требования и, сверх того, прибавили требования восьмичасового рабочего дня и учредительного собрания [3]).

15-го ноября Шмидт об'ехал все военные суда, стоявшие в севастопольской бухте. При его появлении матросы поднимали красный флаг, после от'езда—андреевский. „Очаков“, „Днестр“ и „Пантелеймон“ (бывший „Потемкин“) одни только действительно примкнули к Шмидту. А Шмидт не наступал, не начал в сущности восстания, а производил простую демонстрацию и послал Николаю II телеграмму такого содержания: „славный черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует созыва учредительного собрания и не повинуется более вашим министрам“. Бездействие обрекало все дело на неизбежную неудачу. Чухнин расстрелял и заставил сдаться мятежные суда, а на берегу были взяты штурмом морские казармы. Шмидт и трое матросов были расстреляны [4]).

[1]) Там же, стр. 138—142.
[2]) Там же, стр. 145—146.
[3]) Там же, стр. 150.
[4]) Дробот, Севастоп. восст. „Прол. Рев.“ за 1923 г., № 10 (22), стр. 61 и след.

Были и другие проявления частичного разложения армии: таковыми являлись солдатские волнения во Владивостоке в октябре, а в ноябре в Киеве, Харькове, Екатеринодаре, Пятигорске, Ташкенте, в некоторых дисциплинарных батальонах [1]). Но все это были спорадические, взаимно несвязанные явления, не охватившие большинства военной силы старого порядка. Крестьянский, по преимуществу, состав армии сказывался: рабочие в массе были революционизированы, крестьяне только колебались, не обнаруживали решительности [2]).

Та же разрозненность, частичность, слабая организованность характеризовали и все провинциальное революционное движение в ноябре и декабре 1905 года. Советы рабочих депутатов организовались большею частью поздно и были не повсеместным явлением. Кроме Петербурга и Москвы, они возникли еще в начале ноября в Ростове на Дону и Киеве, в середине ноября в Костроме, в конце того же месяца в Одессе, Николаеве, Самаре, Ревеле, Баку, Сормове, Воткинском заводе, Новороссийске, Екатеринославе, Саратове, Смоленске, Кременчуге, Белостоке, Таганроге, Юзовке, Мариуполе, Твери, Красноярске, Чите и Иркутске [3]). Когда, наконец, в декабре в разных местах начались восстания, они были действительно значительными только на окраинах и были разбиты по частям. Так, в Новороссийске забастовали в декабре портовые рабочие, власть перешла в руки совета рабочих депутатов, и началось восстание, прекращенное, однако, вскоре прибывшим в порт броненосцем „Ростислав“. Подобное же произошло и с тем же результатом в Николаеве между 13 и 19 декабря и в Пятигорске. В Донецком бассейне, по Екатерининской железной дороге, в Горловке, Ростове на Дону, Харькове, Сормове, Мотовилихе, Вятке попытки восстания, иногда очень бурные, были подавлены военной силой. На Кавказе

[1]) Общ. движ. Т. II, ч. 1, стр. 129—131 (статья Маевского).
[2]) Троцкий, 1905 год., стр. 198.
[3]) Общ. движ., II, стр. 116 (статья Маевского).

центром восстания явилась Гурия: город Квирилы Кутаисской губ. был захвачен революционерами, при чем для целей революции было взято 220 тысяч рублей в Квирильском казначействе; в Гори, Сочи, Душете и Поти введено было революционное самоуправление; но в январе 1906 г. все это было уничтожено пришедшими войсками. В декабре же восстание охватило Прибалтийский край и Сибирь—от Красноярска до Манчжурии, при чем в Прибалтийском крае главным центром движения оказался Туккум, а в Сибири Красноярск, где одно время держалось революционное самоуправление—„Красноярская республика“. В Сибири движение достигло также высокого напряжения еще в Иркутске, Чите и Харбине, при чем главное участие в нем принимали войска и железнодорожные рабочие и служащие.

На всех этих окраинах в январе 1906 г. свирепствовали уже правительственные карательные экспедиции. Усмирены были Кавказ и Прибалтийский край, Меллер-Закомельский и Ренненкампф со своими карательными поездами проехали по всей сибирской магистрали. Число убитых в России за эти месяцы борьбы дошло почти до 15 тысяч человек, раненых было свыше 18 тысяч, население тюрем увеличилось на 70 тысяч человек. Три четверти территории страны об'явлено было на военном положении [1]).

[1]) Там же, II, I, стр. 149—175.

V.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

„Безумный" 1905 год кончился московским и всероссийским разгромом революции. Могло показаться—многие так и думали,—что революция кончена. На деле это было не так, и революционная борьба длилась еще $1^1/_2$ года. И, конечно, пока революционные возможности не исчезли совершенно, обязанность революционеров заключалась в том, чтобы исчерпать их до конца, не уступать поля битвы до последней крайности.

Но, несомненно, основной надлом был дан революции исходом 1905 года.

Первый, основной вопрос здесь в том, какими причинами был вызван этот несчастный исход, надломивший революцию.

Всякая революция обычно начинается на широкой социальной базе, об'единяет в начале все оппозиционные и революционные силы. Так было и у нас.

Но это об'единение оппозиционных и революционных сил нигде и никогда не ведет еще к решительной победе над старым строем: оно всегда и везде сопровождается на первых порах только полупобедой, первыми уступками со стороны старого режима. Так произошло и у нас в октябре 1905 года. И понятно, почему так всегда бывает и было в данном случае: ведь оппозиционные и революционные общественные силы, хотя и действуют вместе против реакции, но действуют каждая по своему,

со своими особыми целями и в своих собственных интересах.

И полупобеда сразу все эти различия и противоречия вскрывает, обнаруживает с совершенною ясностью, отбрасывая крупную буржуазию в лагерь контр-революции и направляя буржуазию среднюю и передовые элементы крупной на путь соглашательства со старой властью: ведь крупная и средняя буржуазия не желают крупной победы демократической революции, потому что боятся масс, трепеща за свои земли, капиталы, собственность вообще.

Революционными после октябрьской полупобеды остались только пролетариат и городская и сельская буржуазная демократия, мелкая буржуазия города и деревни.

Но они не только не имели общего, единого организующего революционного центра, но не являлись и одинаково сознательными, по настроениям своим представляли нечто пестрое, безусловно также не единое.

Крестьянство и по преимуществу крестьянские армия и флот колебались, не решались на прямой переворот, действуя агрессивно лишь в аграрном вопросе, политически постоянно отставая.

Пролетариат был сознательнее, но и он не был чем либо единым и целостным; передовые его элементы—петербургские металлисты, железнодорожники — начали рано огромным под'емом революционной энергии и стали уставать как раз тогда, когда вполне, как следует раскачались отсталые элементы рабочего класса—напр., московские текстильщики. И только главным образом эти отсталые и оказались способными на такой решительный акт, как восстание.

Городская мелкая буржуазия способна была только тащиться в хвосте победителей, активной силой в 1905 г. в России явилась в очень небольшой степени.

Разгром революции в конце 1905 г. и явился естественным результатом расхождения не только оппозиционных, но и революционных общественных сил.

Но 1905 год дал всем уроки: силам старого порядка он продиктовал необходимость и неизбежность некоторых минимальных уступок в аграрном и рабочем вопросах; либеральную буржуазию он настроил особенно соглашательски по отношению к старой власти; революционным силам, особенно пролетариату, он внушил особое стремление к сознательности и организованности.

1905 год не дал победы революции. Но он указал путь, каким можно и должно было в конце-концов придти к этой победе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

Москва, Тверская, Б. Гнездниковский пер., 10, тел. 2-64-61.
Ленинград, Просп. 25 Октября, 74, тел. 1-34-34.

Проф. Н. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

(Основы социальной динамики).

Издание выйдет в 12-ти томах.

Вышли из печати:

Том I. Первобытное общество.—Дикари.—Варвары.—Феодальная революция. Ц. 1 р. 75 к. (2-е изд.).
Том II. Феодализм в развитом состоянии.—Муниципальный феодализм. Ц. 1 р. 55 к. (2-е из.).
Том III. Падение феодализма. Ц. 1 р. 50 к. (2-е изд.).
Том IV. Дворянская революция в России. Ц. 1 р. 30 к. (2-е издание).
Том V. Конец дворянской революции. Ц. 1 р. 30 к. (2-е изд.).
Том VI. Дворянская революция в Южной России, Западной Европе, на древнем Востоке и в античном мире. Ц. 1 р. 40 к. (Печатается 2-е изд.).
Том VII. Старый порядок.—Господство дворянства. Ц. 1 р. 45 к.
Том VIII. Демократическая революция в Западной Европе. Цена 1 р. 75 к.
Том IX. Производственный (аграрный и промышленный) капитализм в Западной Европе и вне-европейских странах. Ц. 2 р. 25 к.
Том X. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века. Ц. 2 р. 25 к.
Том XI. Производственный капитализм и революция в России второй половины XIX и начала XX века. Ц. 2 р. 50 к.

Готовится к печати:

Том XII. Последняя стадия в развитии мирового капитализма, мировая война и вторая революция в России.

РОЖКОВ, Н. А., проф. Очерк истории труда в России. Ц. 60 к.
Его же. Смысл и красота жизни. Цена 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

Москва, Тверская, Б. Гнездниковский пер., 10; тел. 2-64-61
Ленинград, Просп. 25 Октября, 74; тел. 1-34-34 и 1-70-94.

Проф. Н. А. ВИГДОРЧИК

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

(в 10 выпусках).

Интерес к социальному страхованию у нас в настоящее время чрезвычайно велик, а между тем литература вопроса совершенно иссякла. Интерес, проявляемый к социальному страхованию, выходит далеко за пределы того, что может дать краткое популярное руководство. Теперь читатель, интересующийся вопросом, ищет основательного и подробного научного труда. Настоящее сочинение и идет навстречу этой потребности

Вып. 1-й. Теоретические основы социального страхования (4-е изд.). Ц. 1 р.

Вып. 2-й. Страхование на случай болезни в Зап. Европе (3-е изд.). Ц. 80 к.

Вып. 3-й. Страхование на случай болезни в России (4-е изд.). Ц. 1 р. 30 к.

Вып. 4-й. Классовая медицина (3-е изд.). Ц. 1 р.

Вып. 5-й. Страхование от несч. случаев и травматологическая экспертиза. Ц. 1 20 к.

Вып. 6-й. Статистика профессионального травматизма (4-е изд.). Ц. 90 к.

Вып. 7-й. Страхование на случай безработицы. Страхование на случай профессиональных заболеваний. (Печатается

Вып. 8-й. Проблема материнства в капиталистическом обществе (4-е изд.). Ц. 1 р. 60 к.

Вып. 9. Страхование на случай материнства. Готовится к печати).

Вып. 10. Страхование на случай инвалидности, старости, вдовства и сиротства. (Готовится к печати).

Проф. **Н. А. Вигдорчик**, Очерки по профессиональной гигиене. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Общедоступные беседы по медицине. Изд. 3-е. Ц. 65 к.

Его же. Инвалидность. Статистический этюд. Ц. 70 к.

Его же. Нормальный труд. 5-е издание. Ц 50 к.

Его же. Что должен знать каждый рабочий и служащий, застрахованный в кассе социального страхования. 3-е доп. и испр. изд. Ц. 18 к.

Леви, Ю. Профессиональные болезни, перевод под редакцией проф. Н. А. Вигдорчика. Вып. 1-й. Ц. 2 р.

Цена 80 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 74, тел. 1-34-34
МОСКВА, Тверская, Б. Гнездниковск. пер., 10, т. 2-64-61